

Анна Витальевна Малышева

Страх перед страхом

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119579
Страх перед страхом: АСТ, Астрель; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-054308-3, 978-5-271-21250-5*

Аннотация

Любая мать думает, что знает собственного ребенка, но... Однажды наступает вечер – и он не приходит домой. Проходит ночь – а он не звонит. И отныне узнавать о нем правду придется с чужих слов, потому что сам он уже не сможет сказать ничего...

Мать погибшей девушки пытается найти виновников ее смерти, шаг за шагом убеждаясь в том, что совсем не знала единственную дочь...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Анна Малышева

Страх перед страхом

Глава 1

Мужчина сидел в столовой и смотрел по телевизору футбол. Женщина сидела на кухне и тоже смотрела на экран телевизора – маленького, старого, изрядно засаленного от долгого соседства с плитой. Но что именно она видела на экране – женщина определить не могла. Взгляд у нее был пустой, ничего не выражающий. Губы плотно сжаты, помада почти вся съедена за день. Она не сняла макияжа, придя с работы, хотя обычно очень заботилась о своем лице. Только этот день не был обычным. Только не этот...

На плите зашипел перекипающий через край турки кофе. Женщина вскочила, сняла турку, поставила ее на подоконник. Отметила, что руки у нее дрожат. Неожиданно кольнуло сердце... Этого еще не хватало!

Она налила кофе в кружку, размешала сахар и пошла к мужу. Тот, не глядя, протянул руку:

– Ты гляди, что делается... Забил в свои ворота... Я чувствую, они сегодня продуют...

Женщина поставила кружку на столик – резко, со стуком. Муж повернул в ее сторону голову:

– Садись, посмотри! Если «Манчестер» сегодня продует, в финал выйдут одни испанцы, ты это представляешь?!

– Я представляю, – глухо ответила она. – Ты считаешь, что все нормально?

Он снова уставился на экран и бросил:

– Какое нормально, ты о чем... Ты вообще, за кого болеешь?

– За дочь!

И тут она совершила поступок, на который никогда прежде не решилась бы. Схватила пульт и выключила телевизор. С тихим шелестом погас экран. Муж секунду оцепенело смотрел на него, потом взорвался:

– Немедленно включи, какого...

– Ты считаешь, что все нормально?! – Руки у нее все еще дрожали, она сунула пульт в карман халата и обхватила себя за локти, пытаясь успокоиться. – Ира второй день где-то пропадает, а ты спокойно смотришь футбол!

Он сделал попытку отобрать у нее пульт. Женщина отскочила в сторону. Муж с трудом выбрался из кресла, где он с удовольствием расположился провести остаток вечера:

– Что за фокусы, включи! Что я, по-твоему, должен делать?! Ей почти восемнадцать, она собирается замуж, и в конце концов, это смешно – так ее пасти! Отдай пульт!

Она покачала головой.

– Если я не посмотрю футбол – что изменится? – Теперь он говорил почти виновато. – Думаешь, она из-за этого вернется? Позвонит?

– Нет, – вымолвила она после долгой паузы. – Но ты ведешь себя так, будто тебе все равно...

– Да мне не все равно! – раздраженно заметил он. – Но имею я право расслабиться после работы? Или уже и этого нельзя?!

Он был прав, и это раздражало ее больше всего. Женщина достала из кармана пульт и бросила его на кресло. Повернулась и ушла в комнату дочери, плотно прикрыв за собой дверь. До нее тут же донесся торопливый голос комментатора – муж опять включил теле-

визор. Она расслышала его громкий стон. Вероятно, «Манчестеру» снова не повезло... Ей тоже хотелось стонать. Только совсем по другой причине.

Подруги на работе, которым она жаловалась на дочь, ее утешали. Говорили, что дети вырастают незаметно, надо смириться с тем, что они хотят стать независимыми. Что ей еще повезло, ее Ирина не гуляет с кем попало, направо-налево, сразу собралась замуж... Ну, а если брак будет неудачным – что ж, существует развод... И прочее в том же роде. Хотя те же самые подруги в свою очередь жаловались ей на своих подросших отпрысков – как и она. В такие моменты они начисто забывали о своей примиренческой позиции и обвиняли детей в неблагодарности, а все поколение в целом – в невероятной испорченности. И тогда уже ей приходилось их уговаривать и утешать...

Комнатка Иры была совсем маленькой – самой маленькой в их трехкомнатной квартире. Всего восемь квадратных метров – негде повернуться. Маленькая комнатка для маленького ребенка. Почти яичная скорлупа, в которой, скорчившись, сидит цыпленок. Ее цыпленок. Который сейчас неизвестно где, с кем...

Она оглядела стены и впервые поняла, что Ирина, возможно, правда стала взрослее. Раньше на этих стенах были наклеены постеры с изображением каких-то неприглядных рок-групп, над постелью висели маленькие мягкие игрушки – дочь их коллекционировала несколько лет и собрала почти пятьдесят штук. Когда наступала пора чистить их пылесосом, это было сущее мучение... Игрушки втягивало в трубу, и нужно было вовремя их оттуда извлекать. Занавески на окне были в крупный веселый цветочек. От всех этих аксессуаров – пыльных, ярких, бесполезных – комнатка казалась еще меньше. Постель Иры, ее письменный стол и шкаф для одежды – вот и вся мебель, но казалось, что в комнате некуда поставить ногу...

Теперь, буквально за последние месяцы, все изменилось. Игрушки со стен исчезли – они лежали в картонной коробке на антресолях. Ира сама сняла их и запихала наверх, объяснив это тем, что игрушки ей просто надоели. Постеры исчезли еще раньше. Дочь сдирала их один за другим, по мере того как ее кумиры переставали быть таковыми... Дольше всех держался самый большой, занимавший почти всю стену над ее постелью – некий блондин в красном костюме, в красных перчатках, с микрофоном, поднесенным к губам, блестящим от помады... Но и его не стало месяц назад. Женщина почему-то подумала, что имени этого певца так и не спросила, такие вещи ее никогда не интересовали. А теперь спросить не у кого. Чем увлекалась ее дочь еще месяц назад? Кем? Она не знает.

Ей почему-то стало страшно, когда она оглядывала опустевшие стены, где на обоях остались следы от клея, – как будто отсюда исчезла не только Ирина, но и все ее кумиры – целая толпа народу. Те исчезли навсегда, а вот дочь... Она вернется, должна вернуться! Хотя бы позвонить!

Женщина подошла к письменному столу и выдвинула все ящики. Обычный хаос – обертки от жвачки, резинки для волос – вокруг некоторых запутались рыжеватые волоски... Старые школьные тетради, явно уже ненужные, ведь Ира теперь училась в институте... Биология, астрономия, литература. Женщина взяла в руки голубую потрепанную тетрадку, открыла ее, машинально перелистала. Обратила внимание на число – почти год назад... Одно из последних школьных сочинений. Учительница литературы была совсем молоденькой и любила задавать домашние сочинения на тему о любви, будущем, смысле жизни... Видимо, ей доставляло удовольствие читать размышления старшеклассников на такие личные темы. Это сочинение называлось: «Человек, на которого я хочу быть похожим».

Женщина прочла первые строчки и поджала губы. Ну, конечно. «Я ни на кого не хочу быть похожей, только на себя. Зачем на кого-то равняться?» Очень похоже на Иру, нечего сказать. Женщина поймала себя на мысли, что ей бы хотелось прочесть нечто вроде: «Я хотела бы быть похожей на свою маму, потому что...» Однако следующие строчки остановили ее

внимание. Одиннадцатиклассница Ира Новикова написала: «Часто бывает, что человек тебе очень нравится, и даже хочется быть похожим на него. Но если узнать его поближе, то все желание сразу пропадает... Люди все одинаковые. Или им что-то нужно от тебя, или им вообще до тебя дела нет. Одно из двух, по-другому не бывает. Хотеть быть на кого-то похожей – это себя не уважать...» И дальше в том же духе. Сочинение занимало полстраницы, не больше. В конце красной ручкой был приписан комментарий учительницы: «Слишком мрачно, Ира. Все совсем не так...» И стояла оценка – четыре. Весьма гуманно, если учесть количество неправильно поставленных запятых.

Женщина закрыла тетрадку и положила ее в ящик. В самом деле, мрачно. Но... Разве она сама не сказала бы то же самое? «Мне почти сорок, а ей и восемнадцати нет, – возразила она себе. – Она не может так думать в ее возрасте. Это не ее слова, чьи-то еще».

Она вернулась на кухню, придвинула к себе телефон, открыла семейную записную книжку. В эту книжку Иру обязывали записывать все телефоны ее подруг, институтских знакомых – словом, предоставлять полную информацию. Честно она выполняла эту обязанность или нет, но странички, где наверху стояло ее имя, время от времени пополнялись. Женщина прочла номера и проставленные напротив имени и фамилии. Из комнаты опять донесся стон мужа.

– О господи, – произнесла она и принялась нажимать кнопки набора.

Леонид числился Ириным женихом. Во всяком случае, таковым его считала сама дочка. От Леонида никаких брачных предложений никто из родителей не слышал, подобных разговоров в его присутствии никто, понятно, не заводил. Это было бы по меньшей мере странно – ведь «жених» появился у них в гостях всего четыре раза. Но каждый раз после его визита Ира заводила разговор о том, что с ним «ей будет хорошо». Однажды мать не выдержала и спросила ее, с какой стати она так заторопилась замуж. Ира оскорбилась. Ей почудился в этом вопросе намек бог знает на что – на беременность, например, или на то, что ей хочется сбежать от родителей...

Леонид откликнулся и, узнав, что звонит мать Иры, слегка растерялся. Она впервые ему звонила.

– Я хотела узнать, Ира не у вас? – официально спросила женщина. Она так и не перешла с этим парнем на «ты» – он к этому как-то не располагал. Леонид вообще ей не нравился – какой-то скованный, держится так, будто ему скучно и не о чем говорить... Так, во всяком случае, казалось.

Леонид и сейчас не проявил чудес разговорчивости. Он ответил, что Иры у него нет, и на какое-то время растерянно замолчал. А потом все же поинтересовался, что случилось.

– Ее второй день нет дома, – как можно спокойней ответила женщина. – Я думала, она у вас.

– Нет-нет, – как будто даже испуганно ответил парень. – А она вам не звонила?

– Если бы звонила, то сами понимаете... – Женщина замолчала.

Нужно было попрощаться и повесить трубку, предстояло обзвонить Ириных подружек... Тех, кому она еще не звонила, конечно. Вчера вечером она уже предпринимала попытку найти дочь – ближе к полуночи, когда забеспокоилась, где это Ира так надолго задержалась. От звонка Леониду ее отговорил муж. Тот считал, что раз уж те собираются пожениться, то имеют право где-то гулять допоздна. Глупая мужская солидарность. В результате Иру прождали до четырех утра. Потом – опять же с подачи Алексея – легли спать. Ведь нужно было рано подниматься на работу...

Неожиданно Леонид предложил:

– Может быть, я приеду?

Она слегка опешила и тут же отказалась, сославшись на то, что вряд ли это что-то изменит, раз он не знает, где Ира. И, не удержавшись от иронии, добавила:

– И потом, вы же наверняка сейчас смотрите футбол. Верно?

Он в замешательстве признался, что это так. Женщина попрощалась и положила трубку.

В перерыве между таймами муж принес ей пустую кружку из-под кофе и с убитым видом сообщил, что дела у «Манчестера» совсем плохи – два-ноль, чего никто не ожидал. Она отмахнулась:

– У нас тоже два-ноль! Ее нет два дня, а информации о ней – ноль! Я звонила этому Ленечке, он понятия ни о чем не имеет. Предложил приехать.

– Ну и приедет? – поинтересовался муж, заглядывая в холодильник.

– Еще чего! – огрызнулась она. – Что мне тут с ним делать? Усадить его рядом с тобой смотреть футбол?

Алексей покачал головой:

– Тань, ты преувеличиваешь. Ну, заночевала у какой-нибудь подружки.

– Одну ночь заночевала, а вторую?

– Вторая еще не пришла, – заметил он.

Матч закончился со счетом три-один. Убитые горем английские болельщики провожали любимую команду грустным похоронным напевом. Телевизор наконец выключили. И сразу стало так тихо, что Татьяна об этом пожалела. Лучше любые звуки, любая музыка, которая будет доноситься из комнаты Иры, любой футбол по телевизору... Раньше ее раздражало, когда по вечерам муж и дочь прилипали к своим игрушкам – телевизору и магнитофону. Как будто неродные – даже поговорить не о чем. Она тоже обычно смотрела телевизор, сидя на кухне, – им с мужем нравились разные программы и фильмы. Иногда вязала, но так лениво, что за месяц успевала связать в лучшем случае шарфик. Шарфики эти дочь не носила, бегала всю зиму с открытым горлом. Когда появился Леонид, у нее мелькнула какая-то смутная мысль о возможных внуках. Вот кого она будет с удовольствием обвязывать, а малыши... Разве они откажутся от обновки?

– А теперь вряд ли, – вслух произнесла Татьяна. И сама испугалась своих слов.

Муж забеспокоился:

– Ты о чем?

– Ни о чем. – Она на миг спрятала лицо в сложенных ладонях. Ей было страшно, и этот страх еще больше подчеркивала установившаяся в квартире звенящая ночная тишина. – Мне кажется, она и сегодня не придет... Телефон работает?

Алексей молча сходил на кухню и проверил. Аппарат работал исправно. Но и этой ночью никто им не позвонил.

* * *

Татьяна не спала до рассвета. Иногда ей удавалось задремать, но спасительное оцепенение тут же рассеивалось – его спугивала любая тревожная мысль. Женщина специально не представляла себе, где сейчас может находиться ее дочь, что она делает. Это было слишком страшно. Она упорно обдумывала только один вопрос – почему Ира, где бы она ни была, не нашла возможности позвонить? А может, не хотела звонить?

Татьяна припоминала все подробности их последнего разговора. Это было всего лишь вчера утром... Нет, уже позавчера. Восемь утра – Ира сидела на кухне и торопливо завтракала, постоянно поглядывая то на часы, то на работающий телевизор, где шла какая-то передача по MTV. Она опаздывала в институт и вслух прикидывала, на сколько именно... Если на пять минут, то не страшно, объясняла она матери, одновременно пережевывая бутерброд с сыром. Но больше пятнадцати – это уже катастрофа, потому что «препод» попался психованный – берет стул, запирает аудиторию изнутри, чтобы никто не мог войти. И обязательно

сам отмечает всех отсутствующих. Старшекурсники рассказывали, что на экзамене все эти прогулы учитываются, и тогда как ни отвечай...

Первая сессия была у Иры позади. Сдала она ее далеко не блестяще – две тройки, две четверки. Впрочем, в школьном аттестате пятерок тоже было не густо. Не то чтобы она ленилась учиться, но относилась к учебе как-то странно – одновременно серьезно и легкомысленно. Например, прогуливала редко, но что-то записать за преподавателем, вовремя прочесть книгу – на это ее не хватало. Мать решила наскоро провести воспитательную беседу и напомнила ей, сколько стоит обучение, – Ира поступила на платное отделение одного из гуманитарных вузов, недавно открывшего факультет психологии. Мечту стать психологом Ира высказала, учась в последнем классе, и целый год Татьяна с помощью справочников, слухов и личных изысканий выбирала место, где могла бы учиться дочка. Где-то ее смущала стоимость обучения, где-то – шаткая репутация выдаваемого диплома... Где-то – слишком высокий уровень требований при поступлении. А она предполагала, что дочь вряд ли сдаст экзамены на «отлично». Наконец был найден разумный компромисс. И вот – эти ежеутренние опоздания...

– Если бы тебе пришлось платить за обучение самой, ты бы вставала пораньше, – заметила Татьяна, следя за тем, как дочь допивает кофе.

– Да где бы я взяла такие деньги? – с набитым ртом ответила та.

– Вот именно! Где мы их берем – тебе, по-моему, все равно.

Ирина задумчиво на нее взглянула, отодвинула опустевшую кружку и встала. Мать продолжала выговаривать ей – по инерции, прекрасно при этом сознавая, что задерживает и без того опаздывающую дочь:

– Конечно, отец получает достаточно, но ты обрати внимание, как он пашет! На работу встает чуть не в шесть утра, вечером возвращается бог знает когда! Выходных у него – дай-то бог, два дня в месяц! Он же измотан совершенно, думаешь, ему бы не хотелось выспаться?! А ради кого он не спит? Ради тебя, между прочим! Чтобы ты могла учиться, чтобы у тебя...

Ирина неожиданно ее перебила – обычно она выслушивала подобные нотации, не моргнув глазом, как будто погрузившись в оцепенение:

– Ладно, мам, сто раз слышала.

– Что?!

Татьяна знала за собой этот грех – неумение остановиться в нужную минуту. Но и на этот раз не сумела справиться – ее понесло. Ирине припомнили все подарки, сделанные в последнее время. А также летнюю поездку в Болгарию – как раз после вступительных экзаменов. А также каракулевую шубку, купленную этой зимой. А также обещанное после весенней сессии (разумеется, успешно сданной) золотое колечко с бриллиантом (разумеется, разумных размеров). Ирина слушала, то и дело страдальчески морщилась и наконец резко махнула рукой:

– Мам, если бы я знала, что ты мне глаза будешь колоть, я бы ничего этого не взяла!

Татьяна отвернулась к окну и сделала глубокий вдох. Успокоиться, прийти в себя... Она взглянула на часы... Ну все, дочка точно опоздала, причем серьезно... Преподаватель не пустит ее на лекцию, так стоит ли ехать к первой паре? Она обернулась, чтобы сказать это Ире, но той уж не было в кухне. Хлопнула входная дверь, и через несколько минут Татьяна увидела в окно, как дочь бегом пересекает двор. И конечно, оделась она опять не по погоде – тонкая куртка без подкладки, легкие туфли... На плече у нее болталась сумка, по виду – тяжелая. В сумке у нее вечно был беспорядок. Ира имела обыкновение таскать с собой совершенно ненужные вещи: давно прочитанные книги, полупустые бутылочки с пепси, зонтик – в солнечную погоду...

Дочь пересекла двор и скрылась в подворотне. Обычная утренняя размолвка, обычное начало долгого дня, где не слишком много радостей, но и горя немного... Все было обычно.

Все, кроме того, что Ира вдруг огрызнулась. Раньше она выслушивала нотации куда терпеливей. Ведь по существу мать была права, и ответить девочке было нечего...

Татьяна резко повернулась в постели и села. Муж что-то простонал и тут же затих, плотнее вжавшись в подушку. Может, ему приснился третий сокрушительный гол, уничтоживший все шансы «Манчестера» на победу. Она встала, не зажигая света, прошла на кухню. На холодильнике валялась пачка сигарет – семейная пачка. Курили в доме все, но понемногу, от случая к случаю. Ирина тоже – мать как-то застала ее на кухне с сигаретой, та пускала дым в приоткрытое окно. Что было проку ее ругать – все равно станет продолжать... С тех пор как и дочка начала курить, пачка разлеталась за неделю. А раньше ее хватало на полмесяца.

Татьяна вытащила сигарету, взяла с плиты спички. Щелкнула выключателем телевизора, на экране засветилась цветная рамка. Переключила на другой канал – там уже шла какая-то утренняя передача. Что ж, шесть часов. Телефон работал. Молчание дочери ничем нельзя было объяснить. Она или не могла позвонить, или не хотела.

«Неужели из-за того, что я ей наговорила? – подумала женщина, чувствуя, как в груди снова поднимается холодный тошный страх. – Но это же чепуха, она слышала все это раз сто... И она же понимает, что я говорю не со зла, просто устаю на работе, переживаю за отца... Он-то выкладывается, бедняга, иногда кажется совсем старым, а ему всего сорок один... И сколько мы с ним уже не занимались любовью – я даже не помню... А как к нему подступишься, если у него даже глаза после ужина не открываются?! Телевизор – и подушка. И все радости. И она все это тоже понимает, даже без слов... Жалеет его. Она ведь добрая девочка, в сущности...»

Она раздавила сигарету в чугунной пепельнице, сделанной в виде черепашки. Синева за окном становилась все более прозрачной, приобретала молочный оттенок. Вот-вот должно было рассвети. Время до семи утра тянулось невыносимо – она смотрела телевизор, слегка прибавив звук, включила светильник над столом и внимательно просматривала записную книжку. В семь (рано, слишком рано, но сколько можно тянуть!) придвинула к себе телефон.

Новым подружкам дочери – из института – она позвонила еще в тот вечер, когда поняла, что Ира где-то задержалась. Те, с кем удалось поговорить, отвечали, что Ира была на занятиях. Больше никто ничего сказать не мог. У Татьяны создалось впечатление, что эти девушки слабо знали ее дочь. Зачем же та обменялась с ними телефонами, если не дружила? Впрочем, телефоны могли понадобиться и для других, более практических целей – обмен конспектами, билетами...

Теперь Татьяна решила позвонить ее прежним, школьным приятельницам. Кто знает, вдруг Ира всерьез обиделась на нее и решила на время поселиться у кого-то из подружек – так сказать, примерно наказать маму?

Первый звонок – и весьма удачный. Трубку взяла сама Женя. Она сидела с Ириной за одной партой, в день выпускного бала заходила за ней домой, словом, девочки дружили.

– Тетя Таня? – удивилась Женя. – Что случилось?

– Извини, но Ира пропала, я просто не знаю, что делать, – неожиданно без предисловий выпалила женщина.

И случилось невероятное – она заплакала. Когда она плакала в последний раз – Татьяна даже вспомнить не могла. Иногда она хвасталась подругам, что стала «железной», но на самом деле это не очень ее радовало. Иногда бывало так сладко поплакать... И вот она плакала, размашисто вытирала ладонью слезы и слабым, неузнаваемым голосом рассказывала семнадцатилетней девчонке, как она изнервничалась за эти два дня, как издергалась...

– Уже двое суток ее нет!

Женя наконец решилась ее перебить:

– Я ничего не знаю, тетя Таня... А... Она же учится где-то? Вы там были?

– Нет, но звонила подружкам, те не знают ничего... Хотя в институте она была. А куда делась потом – никто не видел...

Женя, видимо, не решалась ее утешать – то ли мешала разница в возрасте, то ли она успела основательно забыть «тетю Таню». Как-никак, последний раз они виделись почти год назад. Татьяна и сейчас помнила, как выглядела Женя в тот вечер – вечер выпускного бала. На этой высокой, угловатой девушке было коротенькое платье цвета чайной розы, с низким вырезом на спине. Женя сказала, что платье сшила портниха ее мамы, и пришлось выдерживать целую битву из-за фасона... Татьяна похвалила платье. И в самом деле, на Жене оно смотрелось прекрасно. Она даже пошутила, спросив, не собирается ли девушка после школы стать фотомodelью. Женя, польщенная, рассмеялась. Ее лицо – некрасивое, но очень нежное, будто покрытое персиковым пушком, покраснело. Эта девушка всегда казалась Татьяне несколько нелепой, бесцветной – слишком светлые, жидкие волосы, которые Женя тщетно пыталась уложить в прическу. Слишком светлые, бледно-серые глаза, с короткими прямыми ресницами. Пухлый, бесформенный рот, как будто сложенный в испуганную улыбку. Но при этом Женя обладала своеобразным очарованием – очарованием юности, которое или исчезает бесследно, или постепенно превращается в настоящую красоту. Что было суждено Жене, какой она стала за прошедший год – Татьяна не знала. Девушка перестала у них появляться – дочка просто забыла о ней после выпускного бала.

– Тетя Таня, – нерешительно сказала девушка после паузы. – А вы не пробовали позвонить ее парню?

Последнее слово она выговорила с запинкой, как будто смутилась. Татьяна настороженно спросила:

– Ты знаешь о нем?

– Ну да. Мы встретились месяца два назад, на остановке, и Ира мне рассказала...

– Нет, Леонид ничего не знает о ней, – устало ответила Татьяна.

Она вдруг поняла, что смертельно хочет спать. А поспать не было никакой надежды – нужно готовить завтрак мужу, идти его будить, потом собираться на работу... И выглядеть не хуже обычного – как-никак, ее личные неприятности никого на службе не касаются.

– Леонид? – Женя произнесла это имя раздельно, по слогам. – Нет, она называла его...

И неловкая пауза. Татьяна насторожилась:

– Женя, что ты сказала? Это был другой парень, да?

– Ну... Да...

Татьяна узнавала ее обычную манеру разговора – Женя всегда немного запинаясь, когда речь заходила о щекотливых вещах – о парнях, например. И она прекрасно знала: если девушку напугать, держаться слишком требовательно и строго, Женя вообще ничего не скажет – замкнется, уйдет в себя и замолчит. Дочь как-то призналась ей, что у подружки очень строгие родители. Скорее, даже суровые. Татьяна и сама несколько раз замечала синевато-желтые потеки на лице у Жени и даже спрашивала, откуда эти синяки. Женя смущенно отвечала, что ударилась во время урока физкультуры. О том, что на самом деле ее бил отец, рассказала ей дочь. С тех пор Татьяна очень жалела девушку, всегда, когда Женя приходила к ним, старалась ее подкормить, хотя та была не из нищей семьи, одевалась прилично и у нее всегда были карманные деньги. Однако таков уж был первый импульс – накормить несчастную девочку. Но уж если Женя замыкалась, расшевелить ее не могли никакие пироги и конфеты.

– Женечка, – как можно ласковее и спокойнее произнесла Татьяна, стараясь совладать со своим волнением. – Я об этом парне ничего не знаю. Понимаешь, последнее время у нее был какой-то приятель, вроде бы как жених... Его зовут Леонид. А как звали того?

– Я не знаю, – быстро ответила та.

– Но ты же сказала – она тебе называла имя!

Пойманная на лжи, Женя замолчала. Татьяна слушала тишину в трубке и снова ощущала неприятное покалывание в области сердца. Она сама удивлялась, сколько мыслей стремительно неслось в ее голове – причем одновременно. Опасение слечь в постель с сердечным приступом. Тревога за то, что не успеет разбудить мужа, а ведь тот уже проспал намного больше положенного, ему пора быть на ногах и пить кофе – вот тут, за этим столом. Мысли о том, что сегодня на работе от нее будет мало проку. Крохотная мыслишка – скорее, сожаление – о том, что она вчера пролила чай на свою светлую юбку. Придется нести в чистку, и когда вернут вещь, неизвестно... И главное – молчание Жени. Почему та упорно молчит? Повесила бы трубку, в конце концов. Всегда можно найти предлог – нет времени, например...

Но Женя вдруг откликнулась:

– Тетя Таня... Я правда не помню, как его звали. Может, Ира и назвала имя, только я не могу припомнить. Точно не Леонид. Я бы запомнила.

– Но что-то же ты запомнила? – возразила Татьяна. – Если не имя, то что-то другое! Кто он такой? Чем занимается? Где они познакомились?

Каждый вопрос отдавался в ней мучительным эхом. Ведь сама она об этом парне не знала ровно ничего... До определенного момента она просто считала дочь сущим ребенком, который вообще не может интересоваться парнями. Леонид был первым – для нее. Видимо, не для Иры.

– Ну... – протянула Женя. – Она сказала, что у нее есть парень, и она... Ну... Вроде любит его.

– И это не Леонид?

– Нет-нет.

– Что еще она рассказывала?

После паузы Женя призналась, что не может сейчас говорить, папа с мамой уже встали, а ей самой пора на работу. Если «тетя Таня» не против, она сейчас положит трубку, а вечером, к концу рабочего дня, позвонит ей из города и расскажет все, что сможет вспомнить.

– Если честно, я сейчас не могу собраться с мыслями, – призналась она. – Ира говорила со мной всего минут десять... Она так торопилась!

– В институт?

– Нет, это было уже после шести вечера. Мы встретились в центре, она ждала троллейбус, ехала куда-то в сторону Тверской...

И, не простившись, никак не предупредив, Женя неожиданно положила трубку. Татьяна несколько секунд послушала гудки, потом сделала то же самое. И отправилась будить мужа.

– Леша, – она потрясла его за плечо, – пора, ты уже проспал.

– Сколько время? – ошеломленно откликнулся Алексей.

– Почти полвосьмого.

Тот полежал, обдумывая услышанное, потом резко сел и уставился на жену:

– Сколько?!

– Да вставай же, завтрак готов! Сколько можно валяться?!

Она покривила душой, предпочитая сделать вид, что это муж виноват в том, что проспал. Татьяна знала – за те несколько минут, пока муж умоется и побреется, она успеет сделать яичницу. Ничего другого Алексей не признавал, хотя у него и были проблемы с желчным пузырем.

– Я опоздал! – крикнул он и понесся в ванную комнату.

Татьяна на минуту присела на край постели. Ей совершенно некстати вспомнились первые годы их супружеской жизни. Комната в коммуналке, посеревшие от времени обои, щелистый паркет. Алексей, каким он был тогда, – стройный, загорелый, еще не бросивший свои летние походы на байдарках. Совсем не тот человек, который сейчас думал только о

работе, деньгах, о том, с каким счетом «Реал» (Мадрид) выиграл у «Манчестер Юнайтед»... И все-таки – тот самый мужчина. Который, несмотря на прожитые вместе двадцать лет, пока еще любил ее. И был рядом. И если даже не все понимал, то оставался единственным, на кого она могла положиться... Ее мужем. Отцом ее дочери. Тем самым парнем, в которого она когда-то влюбилась... И сейчас ей почему-то было его очень жаль.

Татьяна вскочила и побежала на кухню готовить яичницу.

За завтраком они наскоро обсудили создавшееся положение. Муж высказывался, как всегда, неопределенно. Конечно, его тоже тревожило столь долгое отсутствие и молчание дочери. Но он советовал подождать еще немного. Например, до вечера. И потом уж начать действовать.

– Как ты собираешься действовать? – спросила она, наливая ему вторую чашку кофе и бросая туда три ложки сахара – несмотря на все ее просьбы, Алексей по-прежнему употреблял сахар вместо заменителя.

Тот схватил чашку и обжигаясь, заявил, что нужно будет обзвонить всех ее друзей.

– Уже почти всех обзвонила, – ответила Татьяна, наблюдая за попытками мужа сделать глоток.

– Ну, тогда... – Он поставил чашку и бросился в прихожую: – Все, бегу, иначе...

Что будет иначе – она прекрасно знала и без него. Иначе – штраф за опоздание. Иначе – унижительный, хотя к серьезным последствиям не ведущий, выговор от начальства. Иначе – депрессия. Она давно уже уяснила, что работа, которую муж нашел год назад, – весьма высокооплачиваемая и очень изматывающая – поработила его целиком. Алексей все меньше интересовался домашними делами. Они оставались на ее шее, хотя Татьяна и сама работала, просчетов и прогулов ей тоже никто не прощал. Но ее скромная зарплата редактора почти незаметно растворялась в общем бюджете. Она никогда не могла чувствовать себя наравне с мужем. И потому добровольно взяла на себя все домашние обязанности и заботы о дочери. В результате... Татьяна поняла, что Алексей давно воспринимал подростковую дочку, как необходимую и любимую деталь интерьера – кресло, например, или телевизор. Когда он в последний раз говорил с ней о чем-то, кроме телепрограммы? Когда Ира исчезла – он, конечно, искренне обеспокоился. Но сходить с ума и бить во все колокола у него сил и времени не оставалось. «И это опять целиком моя обязанность, – подумала женщина, помогая мужу найти зонтик – на улице было пасмурно. – Что ж, это справедливо. Он обеспечивает семью, я обеспечиваю покой ему самому... Многие мечтали бы о таком раскладе...»

Хлопнула входная дверь. Времени осталось только на то, чтобы накраситься, одеться и добраться до работы. При этом она тоже уже опаздывала.

И уже только в метро (муж никогда не подвозил ее на своей машине, им было не по пути) Татьяна поняла, что если Женя вздумает позвонить «в конце рабочего дня», то никого не будет дома. Как же они свяжутся? Мысль пришла и ушла. Невыносимо хотелось спать и болела голова. Кто-то навалился на нее тяжелым квадратным плечом, и она даже не сделала попытки отодвинуться. Покорно закрыла глаза, постаравшись отключиться от духоты и горячего резинового запаха, наполнявшего вагон. И в какой-то момент она поняла, что никогда в жизни не чувствовала себя такой потерянной и одинокой.

* * *

Домой она вернулась в шестом часу. Специально отпросилась с работы пораньше, отговорившись тем, что нездорова. Ей поверили – вид у Татьяны в самом деле был неважный, и, взглянув на себя в зеркало, висевшее в кабинете, она поразилась – как старо сегодня выглядит. Начальница – тоже еще нестарая женщина – сочувственно на нее посмотрела.

– Главное, чтобы не грипп, – дружелюбно сказала она. – Болеть нет никакой возможности, и так половина редакторов на больничных...

Татьяна согласилась с этим и ушла. Дома она первым делом набрала домашний номер Жени. Ответила ее мать. На просьбу позвать Женю она резко заметила, что дочь еще не вернулась с работы. И так же нелюбезно спросила, кто это?

Татьяна представилась неохотно. С матерью девушки – истощенной, чрезмерно накрашенной блондинкой – она познакомилась, еще когда Ира училась в десятом классе. Ей хорошо запомнилась ночь, когда Женя появилась у них дома, испуганная, дрожащая, и тихо, почти безнадежно спросила, нельзя ли ей переночевать? Татьяна ответила согласием и не стала допытываться, что произошло. В комнатке дочери поставили раскладушку. Места там совсем не осталось, и раскладушку придвинули почти вплотную к кровати Иры. Через стену она слышала, как девочки негромко разговаривали. А потом, почти в три часа ночи, когда все уже успели уснуть, в дверь позвонили. Открыл Алексей. Оказалось, что явились родители Жени. Они были не знакомы лично ни с Татьяной, ни с ее мужем, но тем не менее вели себя в их доме, как захватчики на оккупированной территории. Не разуваясь, не отвечая на вопросы, они вошли в комнату Иры, выволокли свою дочь из постели, даже не дали ей одеться и утащили с собой, собрав в охапку ее одежду. Видимо, девочке пришлось одеваться на лестнице, под градом подзатыльников... Утром Ира виновато призналась, что Женя не отпрашивалась у родителей на ночевку, и нашли ее, вероятно, методом тыка, обзвонив и объездив всех ее подруг. Но почему Жене так срочно потребовалось провести ночь вне дома и что ей за это было – Татьяна до сих пор не знала. Однако впечатление от того ночного набега осталось надолго.

– А, вы, – откликнулась мать Жени. И уже любезней объяснила, что дочь на работе.

– Пусть она мне позвонит, когда вернется, – попросила Татьяна.

– Ну конечно. – Теперь в голосе женщины зазвучали преувеличенно сладкие нотки. – Кстати, как ваша Ирочка? Я ничего о ней в последнее время не слышала.

Татьяна сообразила, что Женя не проинформировала мать, о том, что случилось с подружкой, и отделалась общими фразами, перед тем как положить трубку.

Женя позвонила через час.

– Могу я вас увидеть? – спросила она каким-то странным, глухим голосом.

– Ты из дома?

– Нет, я рядом с вами, – ответила та. – Возле магазина стройматериалов. Знаете?

Татьяна, конечно, знала. Она наскоро оделась и помчалась к месту назначенной встречи. Женю она увидела издали – та стояла на углу, возле афишной тумбы, и куталась в тонкий, разлетающийся на ветру плащ. Девушка озиралась по сторонам, и когда Татьяна подошла ближе, первым, что бросилось ей в глаза, были отчетливые синяки на ее лице. Она пошла медленнее и, подойдя вплотную, молча протянула руку. Женя ее неуверенно пожала – так же без слов.

– Что случилось? – спросила Татьяна.

– Так... – ответила та, стараясь отвернуться в сторону.

– Господи, но кто тебя так избил?!

Девушка посмотрела ей прямо в лицо. И Татьяна будто провалилась в прошлое – этот молящий взгляд бесцветных, детских глаз, эти дрожащие пухлые губы. Женя прошептала:

– Никому не говорите. Отец утром... он решил, что мне звонит парень, и тогда...

Она машинально поднесла руку к лицу и так же машинально ее отдернула. Знакомое движение – Татьяна его знала и раньше.

– Так это из-за моего звонка? – не веря своим ушам, спросила она.

– Нет, не думайте, вы не виноваты, это часто бывает, – вырвалось у Жени, и она тут же отвернулась.

Татьяна взяла ее за плечо и развернула к себе:

– Ты не думаешь, что тебе лучше жить отдельно?

Женя глухо ответила:

– Ну что вы. Тогда меня совсем убьют. – И, не давая ей времени ответить, заявила: – Я вспомнила имя того парня. Его зовут Петр. Петя. И еще кое-что. Вы ведь не будете ее наказывать, правда?

Опять этот молящий, невыносимый взгляд! Татьяна встретила его с ужасом и каким-то подавленным чувством вины, несмотря на то что ни она, ни Алексей никогда и пальцем не трогали дочь – какие бы фокусы та не выкидывала.

– Ну что ты! – воскликнула Татьяна.

– Ира была от него беременна, – выпалила Женя. – И собиралась выйти замуж. Так она мне сказала.

Из-за угла налетел порыв ветра, отчетливо напомнивший, что весна еще не наступила. Татьяна даже не почувствовала холода. Она смотрела на девушку, силилась открыть рот и что-нибудь сказать... И не чувствовала ни губ, ни языка. Женя опустила глаза:

– Я думала, вы знаете.

– Нет. – Это слово далось с величайшим трудом, губы были будто свинцовые.

– И того парня вы тоже не знаете? – Женя плотнее запахнула плащ. – Вы сказали, что у нее появился другой жених?

Татьяна молча кивнула.

– Но тогда... – протянула Женя. – Тогда ребенок... Она должна была, наверное, от него избавиться?

Татьяна почувствовала спиной что-то ледяное и твердое. Оглянулась. Афишная тумба? Как она к ней привалилась? Неужели она нетвердо стоит на ногах?

– Женечка, – вымолвила она, справившись с непослушными губами. – Никому об этом не говори, ладно? Никому. Это между нами.

Та испуганно кивнула.

– И тот парень... Как его там?

– Петр, – с готовностью ответила Женя.

– Да, Петр. Кто он такой? Неужели она тебе не рассказала?

Девушка покачала головой и с сожалением ответила, что Ира вообще рассказала немного. Просто не успела – подошел нужный троллейбус, который, в свою очередь, никак не подходил ей, Жене. Ира вскочила на подножку и на прощание крикнула, что позвонит. Но так и не позвонила.

– У нее было счастливое лицо, – виновато, как всегда, добавила Женя. – И я подумала, что у нее все хорошо. Я даже позавидовала ей...

Татьяна промолчала. Женя неуверенно спросила:

– И она пропала? Двое суток ни слова, вы говорите?

Женщина наконец справилась с собой. Известие было неожиданное, и в первый момент просто подкосило ее. Но сейчас, как ни странно, она почувствовала себя намного легче. Так она и думала! Ребенок! Что-то в этом роде она и предвидела. Только будущим отцом считала Леонида, но какая, в сущности, разница... Она тронула девушку за плечо:

– Иди домой. И если спросят, где задержалась, сошлись на меня.

Девушка кивнула и быстро побежала к метро. Татьяна смотрела ей вслед и вдруг подумала, что давно, слишком давно забыла, каково это – быть такой молодой, такой несчастной и ни в чем не уверенной.

Глава 2

Этим вечером Леонид позвонил сам. Он поинтересовался, нельзя ли поговорить с Ириной. Именно так – немного официально – он всегда ее называл при родителях. С ним разговаривал Алексей, и когда он положил трубку, то заметил:

– Парень переживает.

– Ну и что?

Татьяна сидела в комнате, уставившись в телевизор. Она ничего не рассказала мужу о том, что узнала сегодня. К чему? Сперва она хотела поделиться с ним новостью, но потом решила, что он примет все это слишком близко к сердцу. Или – кто знает? – останется равнодушен. Оба варианта ее не устраивали. Ей была нужна помощь – причем немедленная. Не паника и не утешения.

– Может, стоит его пригласить в гости? – нерешительно спросил Алексей.

Он все-таки нервничал. Татьяна видела, что муж никак не может решиться сесть рядом с ней перед экраном телевизора. Правда, и программ интересных не было – одни ток-шоу.

– Ну, пригласим, и что изменится? – спокойно ответила Татьяна.

Она сама поражалась – откуда взялся этот покой? Может, услышав о будущем ребенке, она неожиданно ощутила себя бабушкой? К тревоге примешалась смутная радость ожидания, перемен... А это было уже кое-что. Ира обязательно позвонит – как только наберется смелости. Теперь Татьяна могла хотя бы предположить – что удерживало дочь от звонка домой. Значит, некоторое время назад та поссорилась с каким-то парнем. Остался ребенок – большая проблема. Навязать его Леониду? Может, Ира вначале с перепугу и думала так сделать, но потом приняла иное решение. Уйти из дома, бросить жениха, на время – и родителей... Порвать все связи. Жить своей жизнью. Может, задумала какую-нибудь глупость – бросить учебу, например, пойти работать, снимать квартиру или комнату...

«Только бы не вздумала делать аборт, – испуганно подумала Татьяна. – Если это случится, я ей не прощу. Нет, хочу внука!» Само это слово радовало и тревожило ее – как обещание нового, еще неизведанного приключения. Нет, Ира не решится на аборт. Она страшная трусиха, попробуй, отведи ее к зубному врачу! Она передумает. И конечно, скоро позвонит. И все еще будет хорошо.

– Ну как... – Муж, не ожидавший такой реакции, явно терялся. – Он все-таки ей не чужой.

– А откуда мы это знаем? – отозвалась Татьяна, закуривая сигарету. Это была последняя – в «семейной» пачке уже ничего не осталось.

– Ну как – откуда? Она же собиралась за него замуж!

– Откуда мы это знаем? – без выражения повторила она, глядя на неестественные, будто сделанные из пластика лица участников ток-шоу.

Бог знает, что происходит с людьми, когда они попадают в телевизор! Или их так гримируют, или специально отбирают таких странных... Татьяна поймала себя на мысли – как было бы хорошо, если бы в маленькой комнатке Ирины поселился новый жилец. Крохотный – под стать комнатке. Ему будет в самый раз... Она с Алексеем осталась бы в этой комнате, самой большой. Ира могла бы занять другую – там сейчас их семейная спальня, но, в конце концов, надо ведь чем-то жертвовать, когда появится ребенок... И они бы великолепно устроились, всем было бы хорошо... Ира взяла бы академический год и родила спокойно. Потом продолжила учебу. А там... Все сложилось бы понемногу – складывалось же и раньше, когда жизнь была куда более трудной. Когда у них не было ни памперсов, ни сбежаний, ни всех этих новейших средств для ухода за детками... Она ощутила странную, ниоткуда взявшуюся нежность к будущему малышу, которого она никогда не видела, о кото-

ром узнала случайно, стороной. И удивилась – ей же нет еще и сорока, неужели так рано проснулся бабушкин инстинкт?

– Давай подождем еще немного, – невольно улыбаясь, сказала она мужу. – Глядишь, она сама появится.

– Да ты что? – оторопел он.

– Ничего. Если станем искать ее всерьез, то, конечно, скоро найдем у какой-нибудь подружки. Она еще обидится, ты же знаешь, как ей хочется быть самостоятельной. А так придет сама.

Он, похоже, не верил своим ушам. Татьяна улыбнулась, глядя на него:

– Да что с тобой? Вчера ты был так спокоен!

– Но ее нет уже третьи сутки!

Татьяна покачала головой:

– Это для нас время тянется долго, потому что мы ждем. А для нее, возможно, прошло меньше времени...

Если он и решил, что жена сошла с ума, то не сказал этого. Проверил, работает ли телефон, – это стало уже привычкой. И они легли спать.

* * *

Воскресное утро было ярким, солнечным – свет пробивался сквозь плотные оранжевые занавески, наполняя комнату апельсиновым свечением. Татьяна открыла глаза, пытаясь сообразить, зачем она так рано проснулась. Ведь на работу идти не нужно, и насколько она помнила, будильника с вечера никто не заводил. Подушка рядом была пуста. Из кухни доносился голос Алексея – он что-то быстро и взволнованно говорил.

«Ира вернулась!» – Это была самая первая мысль. Она вскочила и, как была в ночной рубашке, босиком, побежала на кухню.

Алексей, стоявший возле окна с телефонной трубкой, обернулся, и она напоролась на его затравленный взгляд – будто у преступника, которого застигли на месте содеянного. Еще ничего не понимая, она остановилась в дверях, не решаясь ступить дальше ни шагу.

– Да, да, я приеду, сейчас... – сказал он, выслушав то, что ему сказал собеседник. Что-то записал на первом попавшемся клочке бумаги и повесил трубку.

– Кто это? – Татьяна уже успела взглянуть на часы. Половина десятого.

– Это... Да так! – Он прошел мимо нее, больно задев плечом, и она отшатнулась, потирая ушибленное место. И тут же побежала за ним в комнату.

Муж одевался. У него дрожали руки, и она видела, что он никак не может правильно застегнуть пуговицы на рубашке – все время получался перекосяк. Подошла к нему и стала помогать. Татьяна решила, что Алексею звонили с работы, – не редкостью были такие утренние бесцеремонные звонки, вызывающие его прямо из постели и нарушавшие мирный ход выходного дня. Он работал на материально ответственной должности в частной фирме, и трудовое законодательство касалось его весьма относительно. Конечно, он был расстроен – как всегда. Сегодня, наверное, чуть больше обычного.

– Когда вернешься? – спросила она, доставая из шкафа галстук.

– Не знаю, – бросил он, глядя в сторону.

Татьяна собралась было завязать ему галстук и вдруг увидела, что муж стоит закрыв глаза, будто спит. Она опустила руки:

– Да что случилось?

– Ничего. Я позвоню тебе.

Он быстро закончил одеваться и убежал. Она наблюдала из окна кухни за тем, как Алексей садится в машину и выезжает со двора. Он так ничего и не объяснил. «Это не

работа, – смутно подумала Татьяна. – Иначе бы он прямо об этом сказал, выругал бы начальство... Это Ира? Тогда почему он скрывает?»

Но уже через час с небольшим она знала все. И когда она услышала то, что говорит ей по телефону муж, Татьяне показалось, что она поняла все в тот самый миг, когда застала мужа на кухне с прижатой к уху трубкой, с этим затравленным, испуганным взглядом, устремленным на нее. Как будто он что-то хотел скрыть.

– Как? – вымолвила она, глядя в пространство.

– Машина, ее сбила машина, – донеслось из трубки.

– Когда?

Она роняла эти отрывистые вопросы будто по обязанности. Ответы ничего ей не говорили. Нет, она не представляла себе дочь, лежащей на дороге, сбитой какой-то машиной. Мертва? Это все были пустые слова. Она не видела того, о чем ей говорил Алексей.

– Видимо, сегодня рано утром, – сдавленно ответил он. – У нее в сумке был паспорт, и, ты понимаешь, как только его нашли, так сразу нам позвонили.

– Постой. – Она мучительно потеряла висок, хотя голова не болела. Какая-то мысль крутилась рядом и все время ускользала. – Я хочу знать, где это случилось?

– Недалеко от нас, Таня. – Муж прерывисто вздохнул и решился добавить, чуть понизив голос: – И понимаешь, мне тут говорят, она была в этот момент пьяная.

– Что?

– Пьяная... А водитель трезвый... Я не видел его, но он тут, в соседнем кабинете.

Татьяна помотала головой, пытаясь освободиться от этой новости:

– Пьяная? Она же никогда не пила!

– Ну я не знаю... Только мне сказали, что очень от нее пахло. Конечно, вскрытия еще не было, но скоро все будет ясно. А водитель был трезвый.

Он повторял это с бессмысленным упорством, как будто это была единственная позитивная новость, за которую нужно держаться. Татьяна перебила:

– Алеша, да что ты их слушаешь? Ты раз хотя бы видел, чтобы она пила? Никогда в жизни! И от нее никогда ничем не пахло, я бы учуяла!

Он замолчал. Потом сказал, что, по-видимому, сильно задержится. Приходится ждать то одного человека, то другого, короче, это надолго. Она пусть остается дома. Это будет лучше для нее.

Татьяна наконец опомнилась. Дискуссия на тему – пила ли ее дочь – вдруг показалась ей бессмысленной и даже кощунственной. Мертва?! Сбита машиной?!

– Ты видел ее? – спросила она. – Ты уже видел?

Алексей сбивчиво сообщил, что опознал девочку. Так он и выразился – «девочка», и это слово резануло ей слух. Алексей никогда не называл так Иру. «Как будто она уже чужая, – подумала она. – Уже не наша».

– А водителя этого видел?

– Нет... – После паузы муж добавил: – Мне сказали, что по всем параметрам он не виноват. Она выбежала на проезжую часть, невменяемая. И сама сунулась под колеса.

– Что?!

– Не знаю, может, самоубийство, но, скорее всего, она просто не видела машины... А он пытался свернуть, но было некуда – по второй полосе ехал грузовик... была бы большая катастрофа, еще больше жертв. Он тормозил, но не успел... Ира выскочила из-за кустов, бежала напролом... Так сказал инспектор. И многие видели... – И почти виновато муж добавил: – У водителя в машине сидела жена.

– К чему мне это знать? – почти истерично произнесла она.

– Беременная, – глуше добавил он. – Мне этого уже не говорили, но я сам ее видел. Сидит в коридоре, плачет. При мне сказали – «вон его жена!».

Это слово столкнуло наконец ее мысли с мертвой точки. Татьяна ощутила легкое головокружение.

– Ты что-то сказала? – беспокойно переспросил Алексей.

– Я? Нет, ничего. Так когда ты вернешься?

И, не дожидаясь ответа, она первая положила трубку. На часах было без нескольких минут одиннадцать. Воскресное утро, поток света, льющийся в незавешенное окно. На плите – забытая с вечера кастрюля с супом. Татьяна открыла холодильник, поставила туда кастрюлю. Взгляд упал на половинку апельсина – уже засохшего на срезе. Другую половинку съела дочь как-то утром – собираясь в институт. По утрам она всегда ела апельсины – эта привычка появилась у нее с той поры, когда она прочла в журнале про какого-то своего кумира, что тот по утрам обязательно ест цитрусовые. Какого кумира? От него остались только белые потеки клея на обоях в маленькой комнатке. Больше ничего. Как и от Иры.

Татьяна достала пожухший апельсин, выбросила его в помойное ведро. Прошла в комнату дочери, оглядела мебель. Итак, тут никогда не будет жить ее внук. Никаких внуков у нее, скорее всего, уже и не будет. Для этого нужно завести еще одного ребенка, мучиться с ним, пока он маленький, переживать, когда он подрастет. Ждать ночами, когда ему вдруг вздумается уйти из дома, чтобы жить своей жизнью, а позвонить родителям – даже и в голову не придет. Потом, может быть, появится внук.

«Но уже не у меня, – подумала она, подходя к письменному столу и выдвигая ящик за ящиком. – Это пустые слова. У меня детей уже не будет. Я никогда не решусь. Нужно было рожать второго, правильно говорила моя мама».

Еще одно никчемное, болезненное воспоминание. Второй ребенок у них мог быть. Если бы она родила, сейчас этому мальчику (или девочке?) было бы четырнадцать. Но Татьяна решила все сама, наскоро посоветовавшись с мужем. Тот сказал – как знаешь. Глядя в сторону, совсем как дочь, когда той что-то не нравилось, а возразить не хватало смелости. У них тогда была слишком маленькая квартира, слишком маленькие зарплаты, слишком болезненный первый ребенок. Всего слишком, чтобы решиться...

Татьяна порылась в ящиках. Что именно она искала – было неясно ей самой. И зачем что-то еще искать? Дочь мертва, этого не исправишь. Значит, машина. Трезвый водитель с беременной женой, рядом грузовик, и девушка, которая выскочила из кустов на дорогу – как обезумевший заяц, спасавшийся от погони. От кого она бежала? Была пьяна? Татьяна на миг закрыла глаза. Нет, не может быть. Напилась первый раз в жизни и потеряла контроль? Такое случается, она и сама мучительно перенесла первый опыт знакомства с алкоголем. Но под машины не совалась – все ограничилось долгим сидением в туалете, а наутро – раскаянием и головной болью. Зачем бы Ире – пусть даже пьяной – выбегать на проезжую часть, в такую рань, не глядя по сторонам?

И к тому же оставался открытым еще один вопрос – самый странный. Где ее дочь провела трое суток? С кем? Почему ни разу не звонила? Может, тот, у кого она гостила, и напоил ее до такого состояния, что она не заметила едущую перед носом машину?

Татьяна снова пролистала все уцелевшие школьные тетради и аккуратной стопкой сложила их в сторону. Никаких телефонов там записано не было – ни на обложках, ни на последней странице, где школьники обычно пишут всякую чепуху. Впрочем, там и не стоило искать. Как сказала Женья? Они встретились на остановке два месяца назад? И Ира была беременна? Срок, конечно, был настолько мал, что она, мать, ничего по виду дочери не заметила. Стало быть, этот Петр появился совсем недавно, когда Ира уже училась в институте. Институтский знакомый?

В семейной записной книжке не было ни одного телефона, рядом с которым значилось бы имя ПЕТР. Это она проверила еще вчера вечером, вернувшись домой. Знакомых мужского

пола там вообще не значилось. Был только телефон Леонида, но тот, судя по всему, вообще ничего не знал.

Татьяна вдруг почувствовала легкую жалость к этому парню. Его, в конце концов, обманули, пытались во всяком случае. Если бы Ира довела дело до конца, тот бы женился на ней и считал бы себя отцом ребенка. Может быть, именно этими расчетами и определялось внезапное желание дочери выйти за него замуж? Других причин и быть не могло – Леонид был совершенной заурядностью. Что могло привлечь Иру в этом бесцветном парне, который слегка напоминал Татьяне котенка? Хлипкого котенка, которого было решили утопить в ведре, но потом сжалились и достали из воды. И он с тех пор держит голову слегка набок, смотрит робко и пугливо, обдумывает каждое слово, которое решится сказать. Сушая тряпка. Идеальный объект для подобного обмана. Ира никак не могла его любить.

Итак, институтские учебники и тетради. Татьяна нервно листала их, перетряхивала, но оттуда вылетали только старые, использованные проездные на метро, закладки, фантики от жевательной резинки. Нигде никаких телефонов. Конечно, у дочки была своя записная книжка, но она у нее в сумке, а сумка... В милиции, конечно.

«Я не спросила, была ли при ней сумка, – подумала она, задвигая ящики. – Куда же она шла? Почему так торопилась? Может быть, спешила домой? Вспомнила, как долго не подавала о себе вестей? Господи, что же теперь делать?»

Петр, Петр... Она попыталась вспомнить, не упоминала ли дочь это имя в последние месяцы. Неужели ни разу? Неужели парень, от которого она ждала ребенка, нуждался в такой маскировке? Ведь Ира прекрасно знала, какими снисходительными могут быть ее родители, и особо прятаться смысла не имело. Татьяна пыталась вспомнить и не могла. Да и как можно вспомнить, чьи имена называла ее дочь, у которой в институте появилось столько новых знакомых? Возможно, это сокурсник. Тогда найти его будет несложно – существуют ведь журналы, списки групп. Даже если он учится на другом курсе – все равно, можно поискать...

Но почему он не звонил сам, этот парень? Почему он не звонил Ире? Когда та познакомилась с Леонидом, Татьяна быстро выучила его голос по телефону. Тот звонил дочери почти каждый вечер, обязательно представлялся, когда трубку брал кто-то из родителей. А вот этот Петр... Ни разу, Татьяна была уверена в этом, в трубке не прозвучало это имя. Так что же это значит?

«Может, они слишком много общались в институте, чтобы перезваниваться по вечерам? – подумала она. – Но все-таки, если это была влюбленность, если дело зашло так далеко, неужели они никогда не звонили друг другу... И потом... Где, когда они встречались? Ребенка не сделаешь не перемене между лекциями. Они должны были где-то уединиться».

Муж вернулся только в четвертом часу. Она едва узнала его, когда Алексей переступил порог и стал стягивать плащ. Чужое, невыразительное, будто присыпанное серой пылью лицо. Мертвый взгляд.

– Хочешь есть? – машинально, по привычке спросила она.

– Нет, не буду.

Он разулся и, на шарив тапочки, прошел в комнату. Рухнул в кресло перед пустым экраном телевизора. Она прошла за ним и, постояв рядом, присела на подлокотник. Алексей протянул руку и обнял ее за талию. Так они сидели несколько минут – молча, не задавая вопросов, не глядя друг другу в глаза.

– Что нам теперь делать? – первой нарушила молчание Татьяна.

– Хоронить ее, – глухо ответил муж.

– Знаю. Я спрашиваю – что нам теперь делать?

Он наконец взглянул на нее:

– А что ты имела в виду? Жить, наверное. Прости, я просто ничего не соображаю...

Татьяна заставила его выпить чаю. Уложила в постель. Алексей покорно улегся и устремил взгляд в потолок. Она снова сидела рядом. Сказать или не сказать? Она решилась:

– Знаешь, до меня дошли слухи, что Ира ждала ребенка.

Он скосил взгляд, но его лицо не изменилось – то же отсутствующее, усталое выражение:

– Леня сказал?

– Нет, ребенок не от него.

Теперь он приподнялся на локте:

– Ты о чем? Не от него?! А от кого же?!

– Есть некий парень, по имени Петр. – Она слегка дернула плечом, выражая этим жестом и обиду на дочь, которая не поделилась тайной, и крайнюю степень усталости – что уж теперь...

– Я первый раз слышу! – искренне воскликнул Алексей.

– Да и я тоже. Что будем делать?

После долгого молчания муж заговорил. Он рассказал, что Иру увезли на вскрытие. Что, сколько он не добивался подробностей, главное станет ясно только завтра-послезавтра. Но инспектор, который первым засвидетельствовал смерть, абсолютно уверен – девушка была мертвецки пьяна в тот момент, когда выбежала на проезжую часть. Водитель говорит то же – он просто не понял, откуда вывернулась эта фигурка, как она сунулась под колеса...

– Может, они все врут? – спросила Татьяна. – Водитель крутой? Он мог дать взятку?

Алексей покачал головой:

– Не знаю. У него старый простой «жигуль», вряд ли он заткнул кому-то рот. Вот если бы это была иномарка...

Они снова помолчали. Наконец Татьяна сказала:

– Как бы то ни было, но я хочу знать, где Ира провела эти трое суток. И почему не звонила? И кто ее напоил, в конце концов?

Муж молча кивнул, соглашаясь с ее словами.

– И потом, – продолжала она. – Ты не считаешь, что ее могли просто толкнуть под колеса?

Он вздрогнул:

– Да о чем ты? Думаешь, убийство?

– А если так?

– Но кому это было нужно? Убивать Иру? – Он с трудом выговаривал эти слова.

– Может, кому-то и нужно было, – ответила она, сама не веря своим словам. – Так или иначе эту версию не рассматривают?

Муж признался, что ничего подобного в милиции не слышал. Там разбирали обычную дорожную драму. Те свидетели, которых удалось найти, подтверждали, что девушка выбежала на дорогу сама – и сунулась прямо под машину.

– Знаешь, с тобой тоже хотят поговорить, – сказал он после некоторой заминки.

– О чем?

– Ну... Меня спрашивали, пила ли она, как часто. Я ответил, что никогда. Потом спросили про наркотики. Ну, мою реакцию ты представляешь...

Татьяна кивнула:

– Надеюсь, тебе удалось им вбить в головы, что наша дочь – не тот случай?

– Только не знаю, поверили они мне или нет. Кроме того, я им рассказал, что она трое суток не появлялась дома и не подавала никаких признаков жизни. И меня спросили, у кого она могла провести это время? Так, без особого интереса...

– А ты?

Он пожал плечами:

– А что я мог сказать? Ответил, что мы и сами рады бы это знать. Но, Танечка, так или иначе, ее никто под машину не толкал. Там же совсем невысокие кусты, между тротуаром и проезжей частью. Не в человеческий рост, намного ниже. Когда мне назвали место, где все случилось, я сразу вспомнил, как там все выглядит... И понял – толкнуть ее было невозможно. Все бы сразу заметили.

И он описал ей это место. Теперь и Татьяна поняла, как нелепо прозвучала ее версия о том, что дочь кто-то вытолкнул на дорогу. Зеленое ограждение в этом месте едва достигало до пояса. Ирину – девушку невысокого роста – кусты закрыли бы чуть выше, но, так или иначе, не заметить, что ее кто-то вытолкнул на дорогу, было нельзя.

– Это совсем рядом с нами, – пробормотала она, закрывая глаза и стараясь представить это место во всех подробностях. – Рядом – магазин «Продукты», а еще чуть дальше – поворот к парку, верно?

Он подтвердил.

– Кто из ее друзей живет неподалеку? – спросила она, не открывая глаз. – У меня такое чувство, что кто-то жил рядом.

– Как же! – воскликнул муж. – Женья!

Она открыла глаза. Как она сама не догадалась – сразу, как услышала, где все произошло? Конечно, Женья! Она сама никогда не бывала дома у этой девушки, но где та живет, знала прекрасно, со слов дочери. И бывала рядом, причем неоднократно – в той стороне находился пункт приема в химчистку, и каждый раз, собираясь отдать туда вещи, она проходила мимо Жениного дома.

– Постой, – тихо произнесла она. – Женья? Как это может быть?

– А почему нет? – удивился он. – Может, она забегала к Жене?

– Нет, та бы мне сказала!

Алексея удивила эта странная фраза, и он потребовал объяснений. И тогда Татьяна, решив ничего больше не скрывать, рассказала ему все. В том числе и о синяках, которые она заметила на лице девушки, встретившись с нею в последний раз. Муж сжал кулаки:

– Они все еще ее бьют, уроды! Знали бы, каково это – потерять ребенка! Тут сразу вспомнишь – как, когда, за что обидел...

– Да, – вздохнула Татьяна. – И за что бьют, спрашивается? Такая милая девочка... Но знаешь, еще вчера вечером она утверждала, что видела нашу Иру два месяца назад.

– А Ира была рядом с ее домом этим утром! – напомнил Алексей. – Так может, Женья просто что-то напутала? Кстати, вы не созванивались сегодня?

Вместо ответа Татьяна встала и отправилась на кухню, к телефону. Набрала номер девушки и с облегчением услышала ее голос.

Женья говорила спокойно, видимо, была дома одна. Услышав вопрос – не виделась ли она с Ирой в течение прошедшей ночи или этим утром, она несказанно удивилась:

– Нет, что вы!

– А это случилось рядом с тобой, – убито заметила Татьяна.

Женья забеспокоилась – она не поняла, о чем речь. И тогда женщина рассказала ей все. Девушка выслушала ее, изредка прерывая рассказ глубокими, подавленными вздохами. Наконец она сдавленно ответила:

– Какой ужас, какой кошмар... Сегодня утром? Рядом со мной! А я ничего не знала!

– Ну, если она не заходила к тебе, так откуда тебе это знать... – протянула Татьяна. Ей в голову неожиданно пришла еще одна мысль: – Слушай, а вообще, ты ее не встречала поблизости от своего дома?

Женья ответила, что рассказала все об их последней встрече. И больше за последний год они ни разу не виделись. Татьяна вздохнула:

– Ну что ж, может, она оказалась рядом с тобой случайно...

– Может быть, – эхом откликнулась девушка. – Все-таки это рядом с вами...

– Кстати, я никогда не спрашивала об этом Иру... Почему вы вдруг перестали встречаться? – поинтересовалась Татьяна. – Раньше вас было водой не разлить!

Девушка помедлила с ответом:

– Знаете, я и сама толком не понимаю... Но мы не так чтоб очень тесно дружили... Просто сидели за одной партой...

Татьяна подумала, что это похоже на правду. Она сама никогда не замечала, чтобы ее дочь остро нуждалась в чьей-то дружбе. Всех ее подружек можно было причислить к разряду «знакомых». Чтобы Ира делилась с кем-то сердечными тайнами, откровенничала, секретничала – такого никогда не водилось. Такую близкую подружку мать всегда вычисляет безошибочно. И немного ревнует к ней своего ребенка – разве не ей самой дочь должна поверять свои тайны? У Иры таких подруг не было. Самой близкой была Женя, но к той Татьяна никогда не испытывала ревности. Она поблагодарила девушку и собиралась было положить трубку, когда та попросила разрешения звонить ей – если можно, конечно.

– Ну разумеется, – с готовностью ответила Татьяна. – Ты... придешь на похороны?

Женя сдавленно ответила:

– О господи, конечно... Можно, я и наших одноклассников позову? Кого найду...

Татьяна согласилась и с этим. Она уже успела принять реальность приближающихся похорон, их неотвратимость. Но тем не менее – она все еще никак не могла до конца осознать, что дочь мертва. Скорее, это относилось к разряду обычных хлопот – вроде выпускных экзаменов в школе, поступления в институт, покупки какой-нибудь одежды... То, что дочь мертва и эти похороны – последнее, что нужно будет для нее сделать, пока у нее в голове не укладывалось.

Она положила трубку и без сил опустилась на табурет. Ее взгляд блуждал по стенам, ни на чем не останавливаясь. Мысли метались так же беспорядочно, ни за что не цепляясь. «Когда я увижу ее? – вдруг подумала она. – Тогда, может быть, и пойму, что случилось... А пока... Нет, не верю. Не понимаю. И почему я не плачу? Надо ведь плакать...» Ее вдруг одолел страх – неужели она бессердечная, у нее каменное сердце – ее так трудно заставить плакать! Всю жизнь она была скупа на слезы. По-настоящему ей приходилось плакать всего несколько раз. Когда умерла ее мать – первый раз. Это было лет десять назад, скоро круглая годовщина. Потом – когда муж потерял свою прежнюю работу. Тогда Татьяна одна тащила на себе все семейные расходы и как-то вечером, придя домой совершенно без сил, разрыдалась, увидев в раковине невымытую посуду. И плакала так горько, что, конечно, к посуде это никакого отношения уже не имело. И еще в детстве – когда от них с мамой ушел отец. Ушел к другой женщине, бросил их. Тогда она тоже плакала. Ну а теперь?

«Я поплачу потом, – сказала она себе, останавливая взгляд на часах. – Когда немного очнусь. Я будто каменная. Я ничего сейчас не чувствую. Только одно – все кончено».

Она прошла в спальню и легла рядом с мужем. Он, казалось, спал – дыхание было ровным, почти неслышным. Во всяком случае, Алексей даже не шевельнулся, почувствовав, что жена легла рядом. Татьяна закрыла глаза. Между сомкнутых век вспыхивали слезы, но тут же высохли слезы. Потом, не сознавая, как ей это удалось, женщина заснула.

Леонид позвонил вечером – вероятно, теперь он считал это своей обязанностью. Узнал, что произошло, но, кажется, решил, что его обманывают. С ним говорила Татьяна, и она готова была наорать на этого типа, который с бессмысленной настойчивостью переспрашивал – да правда ли это?!

– Ну разумеется, правда! – резко ответила она. – Стала бы я вас разыгрывать! Сегодня утром это случилось.

Он замолчал. Потом, когда его голос снова возник в телефонной трубке, Татьяна почувствовала к нему жалость. Парень явно был убит новостью. Он сбивчиво говорил, что приедет немедленно, прямо сейчас возьмет такси.

– Хорошо, – разрешила она. Как-никак, он числился официальным женихом дочери. Не пускать его в дом, тем более – не допускать к участию в похоронах, было бы по меньшей мере жестоко.

Он приехал меньше чем через час. Татьяна предложила ему чай или кофе. Он от всего отказался и, помявшись минуту, достал из внутреннего кармана куртки небольшую бутылку водки:

– Можно?

Татьяна переглянулась с мужем. Алкоголя в доме никогда не держали, покупали только по праздникам, когда ждали гостей. Когда-то, в юности, Алексей любил пропустить рюмочку – привык в своих походах, но после, с возрастом, отучился от этой привычки.

– Наливайте, – разрешила наконец женщина. – И я тоже выпью.

Устроились на кухне. Она отметила, как привычно, без запинки проглотил свою порцию Леонид, и смутно подумала, что парень, кажется, любит выпить. Сама она почти не ощутила ни вкуса, ни запаха водки. Закусила печеньем – других закусок на столе не было. Это очень напоминало поминки – только об Ирине никто не говорил. Этой темы как будто избегали. Алексей молча смотрел телевизор с выключенным звуком. Опять показывали какой-то футбол. Но на этот раз жене и в голову не приходило одернуть его, упрекнуть в бесчувствии. Она хорошо его понимала – нужно было заняться хоть чем-то, чтобы не думать о главном. Чтобы удержаться от истерики. У нее было точно такое же состояние. Присутствие Леонида очень ей мешало – он сидел с похоронным видом и старался заглянуть ей в глаза, как будто просил в чем-то прощения.

– Я захватил деньги, – произнес он наконец. Чтобы набраться смелости, ему пришлось выпить вторую рюмку – уже в одиночестве. С ним никто больше не пил.

– Деньги? – Татьяна вопросительно взглянула на мужа, но тот не обернулся.

– Да, вам же понадобится, на похороны. – Леонид неловко извлек из кармана помятый конверт, в котором раньше явно было какое-то письмо. Татьяна взяла конверт, мельком взглянув на перечеркнутый адрес. Оно было адресовано самому Леониду, откуда-то из Московской области. У нее еще мелькнула мысль – был ли смысл посылать письмо, когда звонок обошелся бы недорого. Сколько внутри денег – она не взглянула. То ли из равнодушия, то из деликатности – ведь парень явно не мог дать много, к чему его смущать?

Он сообщил сумму сам. Оказалось, в конверте десять тысяч рублей – больше он набрать не смог. Татьяна переглянулась с мужем – тот наконец обернулся. Десять тысяч – это было больше, чем они ожидали от этого парня... Собственно, они ни от кого материальной помощи принимать не собирались. «Уж на что, а на приличные похороны у нас хватит», – подумала Татьяна и вдруг заплакала. Совершенно неожиданно для себя. Именно сейчас, когда она получила эти деньги, женщина наконец поняла, какое событие готовится и в чем его истинный смысл. Деньги для Иры? Нет, уже не для Иры. Для того, что было Ирой еще этим утром.

– Спасибо, – сказал Алексей, встал и быстро вышел.

Леонид потерянно посмотрел ему вслед и тоже сделал попытку встать. Татьяна, больше не владея собой, поймала его руку и удержала парня за столом:

– погоди! – Она вдруг перешла с ним на «ты» – это случилось как-то само собой. – Постой, я должна тебе кое-что сказать. Иначе я не могу, пусть даже будет хуже... Ты знал, что Ира была беременна?

Она не могла, просто не чувствовала себя вправе взять деньги у этого парня, который предложил их с такой наивной готовностью и вместе с тем так достойно, без единой просьбы

с их стороны! И он ведь даже не был признанным ими женихом, в этом доме никто к нему не подольщался, не делал вид, что рад его появлению... «Обмануть его? Взять деньги? Нет, я на это не пойду!» – решила Татьяна.

Но ответ Леонида, прозвучавший очень тихо, просто оглушил ее. Парень сдержанно ответил:

– Я знал, Татьяна Николаевна.

– Что?!

– Знал, – твердо, уже громче повторил он.

– Но может, ты думал, что...

Он перебил ее:

– Я знал, что ребенок не от меня.

Она смотрела на него почти с ужасом. Как спокойно он это говорит! Что происходит?!

– И ты... Вы при этом всерьез собирались пожениться? – с трудом вымолвила она, чувствуя, как горячая краска заливает ей лицо.

Леонид кивнул:

– Она просила меня не беспокоиться об этом. Сказала, что это все в прошлом, что она никогда не будет встречаться с отцом ребенка. – Он слегка замялся и добавил: – Я даже не знаю, поймете ли вы меня... Я любил ее. И думал, что все это к лучшему...

Глава 3

Конечно, она как-то в свое время спросила дочь, каким образом та познакомилась с Ленидом. Ира ответила, что знакомство состоялось на автобусной остановке около института. Леонид там не учился – просто работал поблизости. Татьяна отреагировала на это известие без энтузиазма – уличное знакомство...

Самого Леонида она о таких подробностях никогда не расспрашивала – может, потому, что никогда не оставалась с ним наедине. Но сейчас он в пух и прах разбил легенду, зачем-то созданную Ириной.

– На остановке? – Он приподнял жидкую рыжеватую бровь. – Нет, это случилось на вечеринке, у друзей.

У его друзей, как он пояснил. У своих бывших одноклассников, со многими из которых он потом учился в одном институте, пока не бросил обучение на третьем курсе. Нашлась денежная работа, с хорошими перспективами роста по службе. С дипломом или без – лучше было начать работать прямо сейчас, немедленно. И он начал, бросив обучение.

– Ира там почти никого не знала, – сказал он. – Держалась так замкнуто, озиралась по сторонам. Я подошел к ней просто потому, что мне показалось...

Ему показалось, что эта милая голубоглазая девушка – сущее дитя с виду – не знает, куда ей приткнуться. Из жалости, как говорится. Ира казалась настолько юной и неопытной (опять же на первый взгляд), что Леонид как-то естественно решил ее опекать. И остался рядом с ней до конца вечеринки. А потом проводил до дома.

– Я уже потом понял, что она назвала неверный адрес, – сказал он Татьяне, застенчиво глядя ей в глаза. – Это было рядом с вами, но совсем не возле вашего дома.

– Где же? – спросила она.

И услышала точное описание места, где погибла Ира. Настолько точное, что ей показалось, будто ее ударили – непреднамеренно, но очень болезненно.

– Что с вами? – испугался Леонид.

– Ничего, рассказывай дальше, – отрывисто попросила она.

И он продолжал. Они с Ирой увиделись несколькими днями позже. Опять встретились случайно – возле института, где она училась. Леонид часто бывал на той остановке. Иру он заметил сразу – она стояла в одиночестве, рассматривая тумбу с объявлениями, как будто что-то выискивала. Он подошел поближе, отметив, что ей очень к лицу голубое пальто, на фоне которого кричащим пятном выделялся желтый пуховый шарфик. Это был ясный день – один из последних дней февраля. Погода была обманчиво-теплой, и казалось, что наконец наступила настоящая весна. Ира сразу узнала его, как будто обрадовалась встрече, и первая с ним заговорила.

Леонид признался, доверчиво глядя в глаза Татьяне – она при этом просто физически ощущала тяжесть конверта с деньгами в кармане халата:

– Она показалась мне такой... чистой, знаете... А когда сказала, что хочет весело провести вечер, мне и в голову не пришло, что она имеет в виду...

И Татьяна с болью выслушала, что ее дочь (сущий цыпленок) сама предложила ему провести этот вечер в постели. У него на квартире, если там можно устроиться с удобствами. Леонид застенчиво заявил:

– А что? Я согласился. И кто бы не согласился, она же была такая симпатичная... Я даже думал, что Ира никогда раньше этого не делала... Несмотря на то что сама предложила. Но она сразу сказала, что беременна.

– Я чего-то не понимаю, – призналась Татьяна. – Как же так? Девушка тебе говорит, что беременна от другого, а ты ведешь ее к себе домой развлекаться?!

Леонид достал сигареты, предложил и ей. Татьяна закурила. Парень признался, что сперва это его шокировало. А потом он подумал, что Ира врет.

– Она говорила так, будто это было что-то смешное, – сообщил он. – Ну и не поверил, решил, что она издевается надо мной, разыгрывает... Просто хочет посмотреть, какое у меня при этом дурацкое лицо! И не верил еще пару недель. Мы уже всерьез встречались. И она постоянно твердила мне об одном и том же. Что беременна и от ребенка избавляться не собирается.

Он признался, что сперва никак не хотел ей верить. Потом задумался – к чему бы ей возводить на себя подобную напраслину? И наконец, проникся к девушке своеобразным уважением – смешанным с ревностью.

– Я подумал – она в самом деле отличается от других, – сказал он, неловко вертя в руках зажигалку. Сигарету он вытащил из пачки уже давно, но никак не мог собраться с духом, чтобы прикурить ее. Он явно ощущал себя не в своей тарелке. – Ни одна девушка не призналась бы в таком... И я подумал – черт, а она в самом деле надежная...

– Какая? – изумилась Татьяна.

– Надежная, – почти жалобно пояснил Леонид. – Знаете, у меня уже была девушка, я относился к ней, как к невесте. Но она меня бросила. Так, просто потому, что ей понравился другой. У него, видите ли, была машина... – Он неловко повел плечами: – Ну и когда Ира стала рассказывать про своего будущего ребенка, я вдруг подумал – она не хочет бросать его. Так может, она и меня не бросит?

Татьяна не знала, что и думать. До чего докатились современные мужчины! Вот сидит перед ней парень – вроде бы нормальный, без заскоков, и если не слишком накачанный, то во всяком случае, вполне отвечающий стандартам современного молодого человека. Красивым она его не находила и даже симпатичным назвала бы с трудом. Но допускала мысль, что кому-то он мог нравиться, – некоторым девушкам импонируют такие невзрачные жалостливые внешности... И чем занимается этот парень? Выворачивается перед ней наизнанку, явно требуя сочувствия! Рассказывает, что ему просто нужна была надежная девушка, на которой можно жениться!

«Или это девушки сейчас такие ветреные пошли, что парням ничего другого уже не надо? – потерянno подумала она. – С ума сойти...»

– Я понимаю, что вы обо мне думаете, – неожиданно сказал Леонид, как будто прочитал ее мысли. – Вы думаете – вот дурак. Правда?

Она вздрогнула:

– Вовсе нет!

Парень покачал головой:

– Ну или что-то в этом роде. А для меня это было важно, понимаете? Важно, что на нее можно положиться. Она показалась мне надежной, и потому она мне очень нравилась...

Татьяна прикрыла глаза. Надежной? Ей самой дочь никогда не казалась воплощением надежности. Скорее, напротив – та всегда отличалась своенравием. То, что она узнала в последнее время, окончательно утвердило ее в этом мнении. Она считала Иру всего лишь капризным несобраным ребенком – а та была беременна от одного парня, собиралась замуж за другого. Татьяна думала, что дочь не выносит даже запаха алкоголя, а та сунулась под колеса в пьяном виде... Она думала, что та еще долго будет изводить ее своими фокусами. А Ира...

Татьяна встала, налила себе чаю, предложила Леониду, но тот отказался:

– Мне ничего в горло не пойдет. Если можно, я еще водки выпью.

– Пей, – равнодушно согласилась она. – Кстати, вы с Ирой пили?

– В смысле?

– Ну, она употребляла при тебе спиртное? Ты видел, чтобы она пила что-то крепче... пива?

Татьяна упомянула пиво, хотя знала, что Ира его терпеть не могла. Впрочем, что теперь можно было знать наверняка! Однако Леонид почти испуганно возразил:

– Да что вы! Она же была беременна!

Татьяна некоторое время обдумывала услышанное, потом покачала головой:

– Нет, еще не так давно она не была беременна. Тем не менее алкоголя и тогда не употребляла.

– Да, она упоминала, что не выносит даже запаха, не любила, когда я пил при ней!.. – воскликнул Леонид. – А почему вы спросили?

– Да потому, что она попала под машину, будучи пьяной.

– О боже, – прошептал он. – Ира напилась?

Татьяна уже его не слушала. Она стояла, прислонившись к кухонному шкафчику, отпила из кружки остывающий чай и пыталась понять, чем руководствовалась ее дочь, напившись первый раз в жизни. Да еще в ее положении? Что могло ее заставить рискнуть здоровьем будущего ребенка, если уж смотреть на дело именно так?

И догадка, которая пришла ей в голову, окончательно ее потрясла. «Если она напилась, зная, что находится в положении, значит, ей уже было все равно, – подумала Татьяна. – Значит, она уже не заботилась о том, каким родится ребенок, родится ли он вообще... Так значит? Аборт? Или... Самоубийство?!»

Откуда-то издалека до нее донесся голос Леонида. Татьяна осознала, что уже некоторое время он что-то ей втолковывает, но она не слышала ни единого слова.

– Извини? – переспросила она.

– Я говорю, где это случилось? Где она провела три дня?

– Не знаю, где она пропадала, – ответила Татьяна. – А где попала под машину, знаю, конечно.

Она назвала ему место, напомнив, что именно на той улице Ира рассталась с ним в вечер первой встречи – он же сам рассказывал... Там она и погибла. Леонид застыл с поднесенной к губам рюмкой. Потом медленно поставил ее на стол:

– Погодите! Так она была у Жени?

Татьяна встрепенулась:

– Как? Ты был с нею знаком?

– Ну понятное дело, они же часто виделись! Мы с Ирой как-то были у Жени в гостях!

Татьяна не верила своим ушам.

– А она рассказала мне, что встретила Иру как-то случайно, в центре, на троллейбусной остановке... И это было месяца два назад!

Он помотал головой:

– Она врет, не знаю почему, но врет! Мы были у нее в гостях всего дней десять назад! Тогда я с ней и познакомился! А до того только слышал от Иры, что у нее есть очень близкая подруга! Когда мы вышли от Жени, я еще спросил Иру – почему она в первый раз привела меня к ее дому? Она только смеялась, говорила, что хотела от меня отвязаться, чтобы я потом ее не выследил...

Татьяна нахмурилась:

– Ты не путаешь? Женя – это такая высокая худенькая блондинка, скуластое лицо, серые глаза...

– Да ничего я не путаю, мне ли ее не узнать! Конечно, мы были у Жени! Вы-то сами у нее бывали?

Она покачала головой:

– Нет, никогда. Я, знаешь ли, была не в тех отношениях с ее родителями, чтобы ходить к ним в гости... Удивляюсь, как они тебя-то не выставили за дверь.

Леонид озадаченно на нее взглянул, затем наконец осушил налитую рюмку. После этого он вдруг заговорил быстрее – будто был снят последний барьер:

– А при чем тут Женины родители? Она жила одна, без предков!

Татьяна под села к столу:

– Ты о чем? Она жила с отцом и матерью, я их видела как-то раз... Не думаю, будто они согласились, чтобы Женя жила отдельно! И потом, она жила по тому адресу, еще когда была школьницей... Не могли же они оставить ее одну, когда дочь еще училась в школе! На такое даже мы с Алексеем не пошли бы, а мы вовсе не такие уж деспоты!

Леонид слушал ее со странным выражением на лице. Как будто не был уверен – всерьез ли она говорит. Затем возразил:

– Я не знаю, что вам рассказала Ира... И что – Женя... Только когда мы были у нее в гостях, она точно жила одна в той квартире. Адрес верный?

Они еще раз повторили все приметы дома, где жила Женя. Татьяна знала их со слов дочери. Леонид – не понаслышке. Никаких сомнений не было – они описывали один и тот же дом.

– И ты утверждаешь, что был там десять дней назад? – воскликнула Татьяна.

– Ну конечно! Ира сама меня пригласила, она сказала, что хочет увидеться с подругой. Заодно и познакомимся...

– О черт... – протянула Татьяна. – Почему же она мне соврала?

У нее не укладывалось в голове, что Женя – девушка, всегда вызывавшая у нее острую жалость и материнские чувства, – могла ей солгать. Причем в таком важном вопросе. Зачем ей это понадобилось? Но что-то в этом рассказе не сходилось, что-то ее тревожило. Она вспомнила:

– Ее телефон ты знаешь?

– Телефон Жени? Нет.

– Когда я ей звоню, обычно берет трубку мать. Так как же ты говоришь, что она живет одна?

– А вы позвоните ей прямо сейчас, – предложил Леонид. – И сами обо всем спросите!

Татьяна взглянула на часы. Поздновато, конечно, но сейчас для нее такие условности никакого значения не имели. Она сняла трубку и набрала номер.

Ответил мужчина:

– Слушаю.

Этот голос – басовитый и солидный – Татьяна уже знала. Отец Жени всегда говорил так, будто сидел в директорском кресле, несмотря на то что профессию имел довольно скромную, – он был окулистом и работал в районной больнице.

– Нельзя ли позвать Женю? – спросила она.

– Вам не кажется, что уже слишком поздно? – резко ответил он.

– Я мать ее подруги, Татьяна Николаевна, – напомнила та о себе. – Неужели Женя вам ничего не говорила?

Озадаченное и неприязненное молчание. Потом, демонстративно нехотя, мужчина согласился позвать дочь – если та еще не спит. Через полминуты подошла Женя. Голос у нее был испуганный:

– Слушаю?

– Это опять я, – сказала Татьяна. – У меня к тебе вопрос, только я не знаю, как сказать... Ты можешь разговаривать?

– Не совсем, – сдержанно ответила девушка.

– Отец стоит рядом, да?

– Да, – сдавленно прозвучало в ответ.

Татьяна вздохнула, но все-таки решилась:

– Послушай, ты совершенно уверена, что виделась с Ирой два месяца назад? Может быть, и в последнее время вы тоже встречались?

Она поймала взгляд Леонида – тот как будто подбадривал ее, побуждал говорить решительней. Женя вздохнула:

– Я полностью уверена, Татьяна Николаевна, – удивленно ответила девушка. – Почему вы сомневаетесь?

Ее голос звучал так искренне и простодушно, что Татьяна просто не могла ей не верить. Но она все время чувствовала на себе взгляд Леонида – вовсе не пьяный взгляд, напротив – цепкий и выжидающий.

– Кстати, – заметила она, собравшись с мыслями. – Ира не знакомила тебя со своим женихом?

– С Петром? Нет...

– Я говорю о другом парне, о Леониде. О том женихе, которого она представила нам с отцом. – Татьяна произнесла эти слова с нажимом, ничуть не переживая о том впечатлении, которое они могли произвести на парня. Впрочем, тот и глазом не моргнул – сидел и слушал.

– Тем более... – растерянno произнесла девушка. – Татьяна Николаевна, да что происходит? Я рассказала вам все, что знаю.

– Ты живешь с родителями, Женя?

Это был последний вопрос, который решила задать женщина. И как она ожидала, ответ был утвердительный. Женя даже не стала уточнять, к чему об этом спрашивать. Она просто ответила «да» – и женщине послышался в ее голосе оттенок укоризны.

– Спасибо, извини.

Татьяна повесила трубку и повернулась к парню:

– Ну, я полагаю, ты понял, что она мне сказала. Она все отрицает.

– Она врет, – твердо ответил Леонид. – Она врет, если утверждает, что незнакома со мной. Устройте нам встречу и сами увидите – ей не удастся отпереться!

– Очную ставку? – слабо улыбнулась она. – К чему, Леня?

Она впервые назвала его уменьшительным именем – может, потому, что ей вдруг стало его по-настоящему жаль. Ей подумалось – а вдруг парень слегка повредился в уме от горя и теперь плетет бог знает что? Ведь до этого вечера он ни разу и словом не обмолвился о том, что знаком с Женей. Это обнаружилось только теперь, так где гарантии, что он вполне отвечает за свои слова?

– Леня, может, ты просто слышал о ней от Ирочки? – мягко спросила она, усаживаясь за стол и дотрагиваясь до его руки. – Пойми, я ее знаю давно. Почти три года. И должна тебе сказать, она не производит впечатления вруньи... И главное, к чему ей врать? Она же ни в чем не виновата! Иру никто даже не толкал под колеса!

Он отдернул руку:

– Вы мне не верите?! Я говорю вам правду, черт возьми! Почему вы верите этой кукле, а не мне?!

– Успокойся!

– Я успокоюсь, когда захочу! – теперь его тон был уж совсем непочтительным. – Если вы не желаете мне верить, а слушаете, что плетет эта обесцвеченная дура, – тогда пожалуйста, на здоровье! Но я знаю, что она врет! Только зачем – понятия не имею! Погодите, я приведу ее вам прямо сюда и вы все поймете сами!

Ей все-таки удалось поймать его руку и удержать – его пальцы дрожали, она чувствовала, что парень кипит от злости. Она держала руку на его запястье, как будто это было единственное, за что она могла зацепиться в этом мире. Как он сказал? Обесцвеченная?

Женя и в самом деле обесцветила волосы – это было единственное изменение в ее внешности, которое отметила при встрече Татьяна. Еще в вечер выпускного бала волосы у Жени были естественного оттенка – неопределенного, пепельно-русого. Теперь же она стала ядреной блондинкой. Но на этом все перемены заканчивались.

– Ты в самом деле ее видел? – спросила она.

– Еще как! Как вас сейчас!

Она покусала губы, прислушалась к звукам в квартире. Телевизора не слышно. Или муж смотрит его с выключенным звуком, или же лег спать. Что было бы разумно – ему утром рано вставать на работу. Как он будет работать в таком состоянии – заботило ее, но не слишком. Сейчас все ее мысли были о другом. Взгляд на часы – почти полночь. Она решила:

– Леня, у меня к тебе просьба. Кто из вас говорит правду – это, в конце концов, легко проверить. Прямо сейчас.

– Сейчас?

– Да, к чему откладывать? Мне все это не нравится. Мы поедем туда, можно даже пешком дойти, за полчаса. Я позвоню в дверь и потребую, чтобы Женя вышла. А ты ее опознаешь. Если окажется, что это та самая девушка или хотя бы та самая квартира – тогда мы возьмемся за Женю и узнаем, зачем она врет.

Он слабо покачал головой, разом утратив всю свою храбрость, но она еще крепче стиснула пальцы на его запястье:

– Леня, мне нужно знать правду. Если она врет – значит, у нее есть важная причина... Моя дочь, беременная, да еще пьяная – сунулась почему-то под машину. Рядом с домом, где живет ее подружка. А подружка утверждает, что два месяца ее не видела... Ты говоришь совершенно иное. Понимаешь меня?

Он кивнул.

– Я хочу знать, – твердо закончила Татьяна. Отняла руку и встала, глядя, как на его белой коже медленно проявляются розовые пятна – следы ее крепко сжатых пальцев. – Мы поедем прямо сейчас.

Он больше не возражал, и Татьяна пошла в спальню одеваться. Муж в самом деле лежал в постели и, казалось, спал. Она не стала окликать его. Когда Татьяна застегивала теплую вязаную кофту, ее вдруг охватила некая мстительная радость. Сегодня она возьмет реванш. Когда-то родители Жени не постеснялись вломиться в ее дом среди ночи, чтобы выволочь из постели свою дочь. Сейчас она отправляется к ним – тоже без приглашения и в столь же неприличное для визитов время. Что ж, они будут квиты. Сами виноваты.

Они пошли пешком. Леонид предлагал взять такси, но Татьяна его отговорила. Она всеми силами желала оттянуть момент объяснения с родителями Жени – и в то же время очень хотела объясниться. Они шли торопливо, чтобы не замерзнуть, – ночь выдалась хотя и ясная, но ветреная, и женщина жалела, что не надела теплую куртку. Леонид на холод не жаловался. Он быстро шел рядом, глубоко сунув руки в карманы, и, судя по его замкнутому лицу, напряженно что-то обдумывал.

Он первым остановился возле нужного дома:

– Это здесь.

– Да, – подтвердила Татьяна.

Сама она никогда тут не была, но адрес, со слов дочери, помнила точно. Чем ближе они подходили к этому месту, тем чаще у нее замирало от волнения сердце. А вдруг Леонид пройдет мимо? Вдруг он ошибся, а то и сошел с ума? Что тогда делать?

Но он не ошибся и уверенно тянул ее во двор. Женщина на секунду замерла:

– Все случилось вон там...

Она протянула руку, указывая, где именно произошла катастрофа. Палец начал дрожать, она быстро опустила руку, спрятала ее в длинном рукаве кофты. Леонид с сомнением взглянул на нее:

– Все еще хотите туда подойти? Или передумали?

– Нет, ни в коем случае. Сейчас пойдем, – медленно, будто заворуженно, откликнулась она, вглядываясь в проезжую часть, освещенную фонарями.

В этот час машин было немного, они проносились, как блестящие тени, исчезая за перекрестком. Светофор лениво перемигивался со своим собратом – на другой стороне дороги. Тени голых веток плавно двигались по желтому от света фонарей асфальту. Значит, здесь. Обычное, ничем не примечательное место. Все так просто. И если на проезжей части осталась кровь, то за день ее полностью затерли шины сотен проехавших тут автомобилей...

У нее слегка закружилась голова, но особенно сильный порыв ветра тут же сдул дурноту. Женщина крепко взяла Леонида под руку:

– Веди меня. Тебе же лучше знать, куда идти.

– Вы все еще мне не верите, – будто про себя ответил он и повел ее во двор. – Это здесь.

Подъезд, к которому они подошли, был оснащен железной дверью, но кодовый замок, испарянный и потемневший, сломан, дверь приоткрыта. Они вступили в душную полутьму подъезда. Лампочка горела этажом выше. Татьяна услышала тяжелое, сдавленное дыхание Леонида, и ей вдруг стало страшно.

– Вы передумали? – опять спросил он и буквально потащил ее вверх по лестнице. – Ну нет, теперь мы точно туда пойдем. Нам на третий этаж. Я все прекрасно помню, не сомневайтесь.

Она покорно пошла вверх, повинаясь его указаниям. Леонид остановился у одной из трех дверей на площадке третьего этажа – очень уверенно, без колебаний.

– Тут я и был вместе с Ирой, – сказал он, понизив голос. – Позвонить? Или вы сами?

– Я сама. – Женщина протянула руку и нажала кнопку звонка.

Еле слышная трель за дверью и потом – долгая тишина. Они стояли и ждали, не глядя друг на друга. Леонид наконец шепнул:

– Они не слышали. Давайте еще раз.

– Ты полностью уверен, что это здесь?.. Я что-то сомневаюсь...

Он не дал ей договорить и позвонил сам – долго не отпуская кнопки. Наконец за дверью раздался мужской голос – хрипловатый и рассерженный:

– Кто?!

– Татьяна Николаевна, – ответила она торопливо и излишне виновато. Как бы ей хотелось взять себя в руки, вести себя так же напористо и нагло, как и родители Жени, когда-то вломившиеся к ней среди ночи!

– Какая Татьяна Николаевна? – резко переспросил мужчина. Странно – она не узнавала голоса. Впрочем, звук мог быть искажен дверью.

– Я же звонила вам! – воскликнула она. – Мне нужно поговорить с Женей.

Молчание за дверью.

– Хотя бы на минутку, – настаивала она. – Если хотите – в вашем присутствии.

За дверью послышался скрип половиц – мужчина переступил с ноги на ногу. А затем ответил, что никакой Жени тут нет. Такая тут не живет. И тут же раздался взволнованный девичий голос, который – она уже не сомневалась – принадлежал Жене:

– Что случилось?

Тогда Татьяна принялась стучать, повторяя одно и то же, как заклинание:

– Женя, открой, это я! Открой!

Наконец дверь слегка приоткрылась. На пороге стояла девушка, придерживая спадающий с плеч полосатый купальный халат. Из-под него выглядывала ночная рубашка. Муж-

чина, который теперь стоял чуть позади нее, был Татьяне совершенно незнаком. Уж во всяком случае не отец Жени, того она узнала бы сразу.

– Вы?! – ахнула Женя, перевела взгляд на спутника Татьяны и вдруг запнулась.

Леонид отреагировал с завидным спокойствием. Он просто поздоровался. И Женя принужденно, с вымученной улыбкой ему ответила.

– Вы, значит, знакомы? – спросила Татьяна.

– Нет... – вырвалось у Жени, но она тут же поправилась: – Не очень хорошо.

– Да уж, не очень, – подтвердил Леонид. – Но все-таки знакомы.

– Что происходит, не понимаю, – буркнул мужчина и внезапно, не дожидаясь никаких объяснений, удалился в глубь квартиры. Он был одет в тренировочный костюм, на ногах – шлепанцы. И явно чувствовал себя как дома.

Женя стояла на пороге и выглядела еще более бледной и забитой, чем всегда. Но жалости к ней Татьяна уже не испытывала.

– Это твоя квартира? – спросила она у девушки. – Так нам можно войти?

Та перевела взгляд с нее на Леонида. И, явно переломив себя, пригласила их войти. В какой-то момент Татьяне казалось, что она не станет объясняться и просто захлопнет дверь у них перед носом.

Они переступили порог, и Женя плотно прикрыла за ними дверь, набросила цепочку.

– Мы уже спали, – тихо сказала она.

Татьяна осмотрелась и спросила Леонида:

– Здесь ты и был?

– Да, тут. Только... – Он понизил голос и указал на дверь комнаты, где скрылся мужчина: – Его я не видел.

– Это мой друг, – быстро выпалила Женя. – Пойдемте на кухню, не будем его беспокоить. Ему рано на работу.

– А как же твои родители? – удивилась Татьяна. – Они тоже тут?

Девушка покачала головой:

– Папа и мама живут этажом выше. Не совсем над нами – наискосок.

И, виновато улыбаясь, она пояснила, что вот уже полгода живет как бы на два дома – ест у родителей, все ее вещи там... А ночует тут. Женя настойчиво приглашала их пройти на кухню, и Татьяне ничего не оставалось делать, как последовать за ней. Леонид пошел следом.

– Я и не знала, что у тебя есть парень, – сказала Татьяна, оглядывая небрежно покрашенные стены, старый, облупленный кухонный уголок, украшенный инфантильными переводными картинками – кошечки, собачки, цветочки... – Ты же говорила, что твои родители против...

Женя повела плечом, поставила чайник.

– Были против, но потом смирились, – глухо ответила она. – И уже давно.

– Как давно?

– Ну... Мы с ним стали встречаться года два назад. А живу я с ним с прошлой осени. Это официально.

– То есть твои родители знают все и ничего не имеют против?

– Конечно, знают. – И Женя, скосив глаза на прикрытую Леонидом дверь, пояснила: – Они бы никогда не согласились, но он сам с ними поговорил и сказал, что собирается на мне жениться. Тогда они смирились. А что им было делать?

Татьяна перевела дух и присела к столу – расшатанному, покрытому клеенкой столику, где красовалась неубранная после ужина посуда. Леонид остался стоять у двери, будто отрезая Жене путь к бегству. Собственно, в кухне больше негде было расположиться – она была крохотной. Трое людей уже создали в ней ощущение толпы, и Женя оказалась буквально

припертой к стене – ей просто некуда было отойти. Татьяна старалась не смотреть ей в глаза – ей было неловко за ту ложь, которая сейчас обнаружилась... И стыдно за свою, некстати проявленную жалость, когда она при последней встрече посоветовала девушке жить отдельно от родителей. Та в ответ посоветовала, что отец в таком случае ее просто убьет... Но оказалось, что это был просто театр. Зачем она играла страдальцу? Чтобы вызвать сочувствие? Но Татьяна не стала заострять на этом внимание. В конце концов, сказала она себе, каждый имеет право выдумывать о себе самые трогательные истории – это так по-человечески...

– Ты уж прости... – пробормотала она. – Видишь ли, Женя, я бы никогда не стала тревожить тебя в такое неподходящее время... Но Леня говорит, что знаком с тобой, даже бывал тут с Ирочкой, совсем недавно... Вы, стало быть, виделись с нею, а ты утверждаешь обратное... И потом, место, где погибла Ира...

Девушка испуганно замотала головой:

– Я ничего не знаю, клянусь вам!

– Смотря о чем, – неожиданно вмешался парень. До сих пор он не произносил ни слова. – Что-то знаешь, иначе зачем врешь?! Какого черта ты сказала Татьяне Николаевне, что не слыхала обо мне?

– Но я думала... – Женя не смотрела на него – почти подчеркнуто, обращаясь только к Татьяне. – Я думала, вы будете ругать Иру...

В первый момент такое объяснение вполне удовлетворило женщину. В самом деле, что может быть проще? Да еще для девушки, чьи собственные родители никогда не упускали случая наказать ее за самую ничтожную провинность? Но уже в следующий миг она осознала всю абсурдность этого оправдания и взвилась:

– Как?! Да я же сама сказала тебе, что у Иры есть жених! Зачем же ты это скрывала?

Та покачала головой:

– По привычке.

– Какой еще привычке?

Женя пояснила, явно обрета под ногами твердую почву, – теперь она держалась куда уверенней:

– Когда я жила с родителями, у меня как-то сама собой выработалась привычка – ничего не говорить о... Ну, о молодых людях.

И снова этот косой взгляд – который теперь казался Татьяне наигранным и лживо-невинным. Она не отступала:

– Не понимаю! Ты первая заявила мне, что Ира была беременна! Это уж ни в какие ворота не лезет! О какой привычке ты говоришь?! Ты же сказала о ней такое, за что твои родители тебя убили бы!

Та храбро защищалась, говоря, что это признание просто сорвалось у нее с языка, что она вовсе не думала «выдавать» подругу, что потом горько об этом пожалела... Татьяна только качала головой:

– Женя, почему бы не сказать правду? Я просто понять не могу, зачем ты мне соврала! Сказала правду про прежнего приятеля Иры, но ничего – о Леониде?! Неужели ты не понимаешь, что логичнее было сделать наоборот? Ведь о Леониде я и без тебя знала?!

Тут снова вмешался парень. Он пошел в наступление, обращаясь к Жене:

– Она явно была у тебя этим утром! Почему ты это скрываешь?!

– Нет-нет! – воскликнула та.

– Как – нет? Ее сбила машина прямо возле твоего дома!

– Но это еще ничего не значит!

Татьяна зажала уши руками – было невыносимо это слышать. Они говорили о ее дочери, как о ком-то давно исчезнувшем, сама память о ком стерлась, превратилась в старую

фотографию, где уже не различишь ни взгляда, ни улыбки... А ведь Ира умерла только этим утром. Меньше десяти часов назад. Только что.

– Замолчите, – прошептала она, почти не услышав собственного голоса. Но как ни странно, они ее слышали и на кухне стало тихо. Татьяна опустила руки и перевела взгляд с Жени на Леонида: – Вы меня с ума сведете! Ты, помолчи! – Она говорила с Леонидом тоном приказа, чувствуя свое право выражаться именно так, как будто уже успела стать ему тещей. Парень недовольно поджал губы, но не возразил ни слова. Она обратилась к девушке: – Женя, никто ни в чем тебя не обвиняет, просто мне кажется, ты чего-то не договариваешь... Если Женя три дня пряталась именно у тебя – почему не сказать?

Женя резко помотала головой:

– Нет, ее тут не было, я не видела ее... Давно.

– А я вот уверена, что она еще прошлой ночью была здесь, – упрямо повторила Татьяна. – Что она тут делала, почему пряталась от нас? Женя, она что... Решилась на аборт?

Девушка распахнула глаза и снова покачала головой – уже медленнее, будто это предположение ошеломило ее. Татьяна готова была умолять ее сказать правду, но что-то подсказывало ей – момент упущен, сделана ошибка. Женя ушла в свою скорлупу и накрепко захлопнула створки. Возможно, нельзя было вести сюда Леонида и так нажимать на «преступницу»... Уж очень похоже на очную ставку, на перекрестный допрос. И все же она сделала еще одну попытку:

– Женечка, клянусь – я просто хочу знать правду... Ты мне не веришь? Я просто хочу знать. Неужели ты меня боишься? Я ведь не похожа на твоих...

Она хотела сказать «родителей», но не произнесла этого слова. Ее взгляд упал на синяки, уродовавшие лицо девушки. Пятна успели расплыться и пожелтеть с тех пор, как они виделись в последний раз. И ей на память пришли слова Жени, произнесенные ею так жалобно: «Папа подумал, что звонит какой-то парень, и тогда...»

– Постой, – медленно вымолвила Татьяна, не сводя с девушки взгляда. – Ты живешь с этим человеком полгода, и твой отец по-прежнему бьет тебя за общение с мужчинами?! Как это понимать?

Женя непроизвольно поднесла руку к лицу и тут же ее опустила. Ее взгляд переменялся – он стал жестким и в то же время отсутствующим. Она произнесла:

– Кто и за что меня бьет, мое дело, я полагаю. И это хамство – лезть в душу!

Она была неузнаваема в гневе, такой Татьяна ее никогда не видела:

– Все, что я хотела сказать, – сказала! Не нравится – не слушайте! А теперь вам лучше уйти! – Она распалялась все больше и постепенно повышала голос: – Я тут у себя, и вы мне мешаете, понятно? Я устала, я весь день работала и хочу спать! Уходите!

Татьяна поднялась из-за стола:

– Женя, но ты заставляешь меня подозревать что-то нехорошее...

– Уходите! – Девушка говорила так громко, что ее приятель наверняка слышал ее в соседней комнате. А может быть, отзвуки ее голоса проникли и к соседям. – Вы мешаете нам спать!

– И все ты врешь! – Леонид неожиданно оказался рядом с девушкой.

Все дальнейшее Татьяна видела будто во сне – каждое движение было отчетливым, но она не могла во все это поверить. Парень занес руку, она увидела, как его ладонь приближается к лицу девушки, как голова Жени резко откидывается назад, отброшенная сильным ударом... Женщина вздрогнула, шевельнула губами... Голоса не было. В груди возникла щемящая, ледяная пустота.

– Врешь! – с нескрываемой ненавистью произнес он. – Ты в прошлый раз сказала, что живешь тут одна, что квартира – твоя! Ты сама сказала! И ни про какого твоего жениха ни слова! И еще вы говорили про ее бывшего парня, и ты сказала, что он...

Женя глухо вскрикнула – это была, скорее, тень крика. В следующий миг она метнулась, протиснулась в дверь и исчезла. Ее шаги затихли в коридоре, и Татьяна наконец обрела дар речи.

– Уйдем, – еле слышно сказала она Леониду.

Тот беспрекословно последовал за ней. Как они спустились по лестнице, как вышли на улицу – Татьяна помнила смутно. Ее отрезвил только ночной холод и порыв ветра, ударивший ее в грудь. Машин стало еще меньше. Пошел дождь, она подняла к небу лицо, и щеки стали влажными – будто чьи-то крохотные холодные пальчики быстро дотронулись до них.

– Она все врет, – угрюмо повторил Леонид, бережно беря ее под руку. – И меня она прекрасно знает, и квартира принадлежит ей, а вовсе не жениху. Про этого парня я впервые слышу, Ира бы мне сказала, что та собирается замуж. А она говорила, что Женя живет одна. И знаете еще что? Синяки ей наставляет вовсе не отец.

– Почему? – Татьяна так и стояла, запрокинув лицо к ночному влажному небу. Какой осторожный, медленный, ласковый дождь. Какая тихая ночь. И как трудно дышать, как трудно не плакать, держать себя в руках. И отвечать этому парню – хоть что-нибудь.

– Да потому, что так сказала Ира, – просто пояснил он. – Она мне сказала, что Женю в самом деле когда-то били родители, но теперь она зарабатывает синяки в другом месте.

– А что она говорила Ире про ее бывшего парня? Ты упомянул об этом? – спросила Татьяна, опуская голову и застегивая на груди кофту. Она немного пришла в себя, и синяки Жени уже не волновали ее.

– Она сказала, что Петр был бы рад с нею опять увидеться, – мрачно произнес тот.

– Петр? Она точно употребила это имя?

– Ну еще бы, – так же угрюмо подтвердил он. – Я не подслушивал, вы не думайте. Просто хотел зайти на кухню, чтобы мне дали еще чаю... Я-то сидел в комнате, а они там уединились. Ну вы знаете, как всегда, когда встречаются подружки. И я случайно услышал об этом...

Леонид добавил, что слышал это имя – Петр – еще раньше, от самой Иры. Она ничего от него не скрывала, в том числе и такие детали. И потому он стал прислушиваться, застыв в коридоре.

– Женя прямо-таки настаивала, чтобы Ира опять с ним увиделась. Я даже подумал – а какой ей в этом интерес? А Ира ответила: «Нет уж, мне хватит того, что было». Мне показалось, что Женя очень разозлилась, и я уже хотел вмешаться, потому что она повысила голос... Ира была беременна, нельзя, чтобы на нее кто-то орал!

Женщина почувствовала к нему нечто вроде благодарности. Весьма запоздалой – и почему теплые чувства к этому парню пришли так поздно? Возможно, будь она с ним приветливей, он бы отплатил ей большей откровенностью. И может, она бы сумела что-то изменить...

– В общем, это все. Я вошел, и они обе резко замолчали. Татьяна Николаевна, мне отвести вас домой? Или вы хотите туда вернуться?

– Нет-нет, – торопливо ответила она. – Домой! Надеюсь, Леша спит, и мне не придется ничего объяснять...

Глава 4

Наутро муж уехал на работу позже обычного и вскоре вернулся, объяснив, что взял отпуск за свой счет – на четыре дня.

– Больше не дали, хоть я и просил, – мрачно добавил он. – Как же они меня достали...

Татьяна тоже взяла отпуск. Это удалось сделать по телефону, переговорив с начальницей. Та, услышав страшную новость, сперва ей не поверила, а потом стала предлагать посильную помощь. Татьяна пригласила всех сотрудниц своего отдела на поминки, хотя изначально думала позвать только близких родственников и друзей. Алексей признался, что и ему пришлось пригласить с работы трех человек – они почему-то сами напрашивались, и отказать было просто невозможно.

– Ну ладно, – обреченно вздохнула она. – Это в конце концов доказывает, что они к тебе внимательны. Чем больше народу, тем лучше. Как-нибудь разместимся...

– Конечно, – задумчиво ответил он. – Не в лишних расходах дело, сама понимаешь... Кстати, ты все-таки решила взять деньги у Леонида?

Она призналась, что взяла их.

– Если бы я отказала, Леня бы обиделся... Это было с его стороны очень порядочно. Вообще, он оказался хорошим парнем, знаешь ли...

– С каких пор ты называешь его «Леней»? – удивился муж.

– Со вчерашнего вечера...

Она запнулась и пристально поглядела на мужа. Понял ли он, что она вчера допоздна где-то отсутствовала? Неужели в самом деле так крепко спал, что не заметил ни ее ухода, ни возвращения?

– Мне и самому всегда казалось, что он неплохой парень, – заметил Алексей.

Татьяна перевела дух – он, конечно, спал... Иначе не мог не спросить, куда она ходила за полночь. Она приняла решение – ничего ему пока не рассказывать. Впрочем, такие решения ей было принимать не впервой – она училась этому уже долгое время. Почему это происходило – Татьяна и сама понимала смутно. Возможно, оттого, что у Алексея просто не было сил и времени, чтобы выслушать ее как следует, когда возникала какая-нибудь проблема. И она предпочитала ждать, пока все утрясется само собой. И потом... Как рассказать о своем вчерашнем визите к Жене? Как объяснить то, чего она и сама не понимала, – эту упорную, чудовищную ложь, это несостыковки, эту агрессию, которая вырвалась из девушки в конце разговора? Та пыталась что-то скрыть, явно чувствуя за собой какую-то вину. Но в чем она могла быть виновна?

Татьяна не решалась сходить к девушке еще раз, чтобы на этот раз поговорить без свидетелей. Не решалась даже позвонить... Хотя нужно же было знать, придет та на похороны или нет? Она решила выждать. Все равно все узнается. Не сегодня – так через несколько дней. И потом, Леонид тоже этого дела так не оставит. Вчера, прощаясь с Татьяной на лестнице, возле ее квартиры, он упрямо повторил, что так или иначе достанет Женю, выведет ее на чистую воду.

– Давай переждем, – устало попросила женщина. – Она сейчас слишком взбудоражена. Может, хоть похороны приведут ее в себя... Все-таки они с Ирой были подругами, если Женя что-то знает – скрывать просто непорядочно...

– Ну нет, зачем ждать? Наоборот, нужно ее достать, пока она не пришла в себя! А то придумает что-нибудь еще, вы же видели, как она выкручивается!

Татьяна согласилась, что видела, но заметила при этом, что врала девушка совсем неубедительно и ее легко сбить с толку.

– Все это очень подозрительно, – сказал Леонид. – Кстати, вы в самом деле думаете, что Ира могла решиться на аборт?

– А зачем же она пряталась три дня у подружки? Может, отлеживалась после операции? – грустно ответила Татьяна.

Парень покачал головой и убежденно заметил:

– Ну знаете, в аборт я не верю. Ира была настроена рожать, и я ее в этом поддерживал. Она понимала, что одна не останется... Нет, вы про аборт даже не думайте.

Татьяна пообещала не думать... Но тем не менее все время размышляла только об этом. И тогда, и сейчас, обсуждая с мужем предстоящие похороны.

– Когда будут известны результаты вскрытия? – спросила она.

Алексей вздрогнул, как будто жена его ударила. Ни слова не отвечая, поднялся и пошел на кухню – звонить. Татьяна поняла, что его шокировал спокойный тон, которым был задан вопрос. «Он, скорее всего, думает, что я не очень-то переживаю. – Она поглубже забилась в кресло и прикрыла глаза. – Пусть думает, что угодно. Если бы он знал, зачем я спрашиваю...»

Алексей сообщил, что медицинское заключение о смерти будет получено завтра. И тогда же его нужно будет обменять на свидетельство о смерти.

– Ты поверила, что она была пьяная? – угрюмо спросил он, садясь рядом на диван и включая телевизор.

– Я хочу только знать – она в самом деле была беременна?

Алексей изумленно поглядел на жену:

– Ты же сама мне сказала!

– А... Это со слов Лени, – отмахнулась Татьяна. – А он все-таки мужчина, да еще молодой, неопытный... Что он мог в этом понимать? Повторял то, что ему Ира сообщила. А я хочу знать точно. – Она повертела в руке пояс от халата, скатала его в трубочку, встряхнула... – Ира и сама могла ошибаться, – грустно заметила Татьяна. – Ей же, в конце концов, не было и восемнадцати...

Алексей вздрогнул, но взгляда от экрана не отвел. Хотя там показывали рекламу стирального порошка, которая его точно не интересовала.

* * *

Ира все-таки была беременна – на следующий день они точно знали это. А также узнали, что в момент смерти в ее организме находилась изрядная доза алкоголя. Им вернули сумку Иры, и Татьяна всю обратную дорогу домой ехала, прижимая ее к груди, будто боясь потерять. Алексей не смотрел на нее, не пытался заговорить. Оба очень устали, высиживая в тоскливых очередях то к одному кабинету, то к другому. В этих очередях люди или молчали, или говорили о смерти, деньгах, похоронах, наследстве... Лица у всех были желтовато-серые – тоже цвета смерти, денег, болезни... И в этом был виноват не только тусклый свет в длинных казенных коридорах.

Дома Татьяна первым делом прошла в бывшую комнату Иры, раскрыла сумку дочери и осторожно вытряхнула все ее содержимое на постель. Чего тут только не было! Истрепанный сборник задач по математике – его следовало как-нибудь вернуть в институтскую библиотеку. Несколько исписанных до половины тетрадей, ручки, которые давно не писали, сломанный карандаш, губная помада разных оттенков – одна даже из собственной Татьянинной косметички. Женщина уже не раз замечала, что дочь без спросу пользуется ее косметикой, но ругать теперь было некого. Тушь для ресниц – от природы они у Иры были рыжеватые, приходилось подкрашивать. Две пачки сигарет – в одной осталось четыре штуки, другая была пуста. Ира, как всегда, не удосужилась выбросить из сумки мусор. Спички. Кошелек с небольшой суммой денег – около пятидесяти рублей, в других отделениях завалились канце-

лярские скрепки, телефонная карточка, проездной на метро. Нашелся также большой грецкий орех, судя по весу – пустой. Ключи от дома. И записная книжка.

Татьяна сперва раскрыла ее на букве «П», потом пролистала насквозь, вчитываясь в каждую запись. Она не верила своим глазам – имя Петр ни разу не упоминалось... Значит, дочь специально не записывала его телефон, чтобы не обнаружила мать? Телефон Леонида был тут как тут – аккуратные большие цифры, полное имя и даже фамилия парня – Коростелев.

«Может, она помнила телефон Петра наизусть, – сказала себе Татьяна, пролистывая книжку по второму разу. – Так, вот тут у нас Женя... Школьные подружки, это старые записи. Наши с отцом рабочие телефоны. Какие-то дамы – Евгения Федоровна, Маргарита Владимировна... Наверное, преподавательницы? А это что? Врач? Какой еще врач?»

На страничке под литерой «В» так и было написано – «Врач». И значился московский телефон. Татьяна призадумалась, потом принесла семейную записную книжку, сверила номер. Такого врача среди их знакомых не было. Вся семья, включая Иру, лечила зубы у частника, но у него был совсем другой телефон. У мужа был личный врач – мануальный терапевт – года полтора назад у него внезапно начались проблемы со спиной и шеей. Сама Татьяна иногда ходила к косметологу – когда позволяло время и она считала, что может истратить некоторую сумму денег на свое лицо... Но телефоны у них были совсем другие.

Она припомнила, что телефонные номера их районной поликлиники начинались совсем на другую цифру. Нет, этого врача дочка явно где-то откопала сама.

«Ну, если это гинеколог, да еще подпольный... – Татьяне сделалось нехорошо. – Одно, во всяком случае, точно известно – она так и не решилась на этот шаг». И все-таки телефон врача не давал ей покоя. «Ну что может быть проще? Возьму да позвоню! – убеждала она себя. – Скажу, что... А в самом деле, что я ему скажу? Или ей – врачом может оказаться женщина...» Отсутствие каких-либо указаний на специализацию этого врача только усиливало ее подозрения. Будь это стоматолог, невропатолог – можно было так и написать, чтобы не путаться. Тут отсутствовало имя. И адрес. Ничего – только телефон.

В комнату заглянул Алексей:

– Что ты здесь делаешь?

Она резко обернулась, захлопнув книжку, как будто ее поймали на чем-то недозволенном. Муж явно тоже так посчитал и нахмурился:

– Что-то нашла?

– Ничего. Разбираю сумку...

Он секунду посмотрел на рассыпанные по одеялу книги, тюбики с помадой, и лицо у него исказилось. Татьяна видела, как по его щеке пробежала мелкая судорога. Потом еще одна. Алексей молча прикрыл дверь, и она услышала, как он прошел на кухню.

«Нужно пойти за ним и поговорить. – Она все еще стояла с записной книжкой в руках. – Ему ужасно плохо, он едва держится... Мы сейчас должны помогать друг другу, он ведь ждет этого!» Но тут же другой, сварливый и недовольный голос возразил: «А мне? Мне что – лучше? Почему он первый не начинает меня утешать? Только потому, что я держусь лучше, не рву на себе волосы, не плачу?!»

Внезапно на кухне раздался глухой, сильный удар, зазвенели осколки разбившейся посуды. Татьяна бросилась туда. Алексей, красный от гнева, с неузнаваемо искаженным лицом, повернулся к ней:

– Ну что, ты будешь звать людей на похороны, или я и этим должен заниматься?!

Она заметила на полу осколки... Нет, не чашки. Добро бы чашки. Это было ее обожаемое блюдо, полученное по наследству от бабушки, – фарфор начала века, расписанный по зеленому полю стрекозами и мотыльками. Конечно, блюдо стоило не бог весть каких денег,

исторической ценности не имело... Но оно было по-настоящему красивым, и Татьяна привыкла к нему, оно стало частью ее жизни. Она задохнулась:

– Ты, ты его разбил?!

– Оно само упало! – рявкнул Алексей.

– Как оно упало само, если стояло на шкафу!

– Я пнул шкаф, и оно свалилось! – все так же агрессивно, без тени смущения, отвечал муж.

– Ах, ты пнул шкаф...

Больше она ничего сказать не смогла. У него было такое страшное лицо, что Татьяна по-настоящему испугалась. «Это истерика, только без слез. – Она не сводила с него глаз, опасаясь, что в следующий момент муж может пнуть ее саму. – Истерика, он сходит с ума, а выплеснуть это наружу никак не может... А я? Когда начнется истерика у меня? Я что – ненормальная какая-то?»

– Выпей воды, – с трудом вымолвила она. – Хочешь, налью?

Он ткнул пальцем в телефон:

– Садись и звони всем! Завтра уже будет поздно приглашать! Я этого делать не буду!

– Хорошо-хорошо, – немедленно согласилась она. Татьяна сама себя не узнавала – откуда в ней взялась эта кротость, покорность? Если муж когда-либо пробовал на нее давить (чего почти не бывало), она немедленно шла в атаку.

– Вот садись и звони!

И он выскочил с кухни – она едва успела отшатнуться. С грохотом захлопнулась дверь в комнату, бряцнуло стекло в створке. Но не вылетело. Татьяна прислушивалась. Все было тихо – во всяком случае, мебель муж не ломает, не крушит посуду в серванте... «Если бы он пил – неплохо было бы его напоить, – подумала она, глядя на полупустую бутылку водки, так и стоявшую на столе с того памятного вечера. – Ну ничего, сам выпьет, если захочет. Господи, я никогда не думала, что он так любит Иру... Когда она пропала, он был такой спокойный. А теперь вдруг начал сходить с ума, и от меня хочет того же».

Она замела осколки в совок – у нее екнуло сердце, когда нежно-зеленый фарфор был высыпан в помойное ведро. Мелькнула мысль, что можно было попытаться склеить блюдо. И тут же другая – не стоит пытаться, все уж одно к одному... Татьяна присела к столу, сняла трубку. Раскрыла записную книжку дочери и набрала номер врача. Татьяна решила во что бы то ни стало выяснить, каким образом этот человек затесался в жизнь ее дочери. А приглашать людей на похороны она будет потом. Только вот придет в себя...

– Алло? – лениво ответил молодой женский голос.

Татьяна перевела дух – это было не очень похоже на поликлинику.

– Здравствуйте, ваш телефон мне дала подруга, – быстро сказала она. И запнулась – теперь все зависело от того, что ей ответят. Если это какая-то частная клиника абортот, такое начало разговора вполне их устроит...

– Что? – удивилась абонентка. – Какая подруга?

– Она посоветовала обратиться к вам, – так же напористо продолжала Татьяна. – Ска-зала, что вы можете помочь...

«Ну, – заклинала она про себя, – спроси, что меня беспокоит!»

– Это кто? – тревожно спросила женщина. – Я не понимаю, какая подруга? Кто гово-рит?

– Ее зовут Ирина Новикова. – Скрепя сердце, Татьяна назвала имя дочери. Ей вовсе не хотелось вдаваться в такие детали.

– О боже, так бы сразу и сказали, – бросила женщина. – Что ей нужно?

У Татьяны похолодело сердце. Чем бы не занимался этот врач (докторша, точнее говоря), она знала Иру...

– Ей ничего не нужно, она посоветовала обратиться мне... – произнесла Татьяна, всеми силами желая, чтобы собеседница сама уточнила, какого рода деятельностью занимается.

– По-со-ветовала? – раздельно, по слогам произнесла та. В ее голосе ясно слышалась ирония... И как ни странно – злорадство. – Не понимаю... Знаете, что я вам скажу? Пусть она сама позвонит! А подруг подсылать нечего, это все равно бесполезно. И просто глупо!

И повесила трубку. Татьяна снова набрала номер, но там было занято. Еще одна попытка... Бесполезно – разговор на том конце провода затянулся. Она закрыла записную книжку.

«Подсылать подруг? Бесполезно? Что она имела в виду? – У нее стучало в висках, в горле – везде обнаружились маленькие тревожные пульсы. – Подсылать подруг? Она говорит не как врач... Разве к врачам подсылают подруг? Нет, тут что-то не то... Но черт возьми, я так ничего и не выяснила... Может, она хотела сделать там аборт, а ей отказали? Она же ничего не сделала, это точно. Но откуда она выкопала этот телефон, этого врача? И почему врач говорит в таком тоне, как будто они близко знакомы?! Врач...»

И внезапно она вспомнила отца Жени – плотного, высокого мужчину с окладистой каштановой бородой. Окулиста в районной поликлинике. Если у подруги отец – врач... «Да, Ира вполне могла обратиться к Жене с просьбой найти надежного доктора... И та через отца нашла такого. И может, потому девчонка так упорно врет, скрывает все, что может... Не хочет быть ни в чем замешанной? Но в чем замешанной? Ведь Ира не сделала аборт!»

После того как Татьяна обзвонила всех родственников и близких знакомых, она чувствовала себя совершенно выжатой. Известие о смерти ее дочери производило на всех одинаковое впечатление – ей не желали верить, восклицали: «Да как это может быть?!», «Неужели?!», «Что случилось?!»... И ей приходилось все подробно рассказывать. Она хорошо понимала мужа – тот бы просто не выдержал подобных объяснений. Напоследок она набрала номер врача – на этот раз там никто не ответил.

* * *

Поминки устроили дома – заняли у соседей стулья и табуретки, разложили все столы, какие нашлись в доме. На некоторые вместо скатертей пришлось положить чистые льняные простыни – из Ириного «приданого». Приданого в его настоящем понимании дочери не собирали, но кое-какие домашние запасы в шутку так и называли. Чайный сервиз, например, новые комплекты белья... Сегодня все это пошло в дело, и Татьяна надеялась только, что до Алексея этот факт не дойдет – он всегда был невнимателен к бытовым деталям.

Сама она, как во сне, наблюдала за подачей блюд, за тем, чтобы гостям хватило водки, чтобы никто не был забыт... Все, что говорили о ее дочери, она воспринимала, как нечто постороннее – иначе она бы просто не выдержала. Алексей сидел, как каменный, и женщина была даже рада этому – в последние дни он вовсе не говорил с ней, держался странно, и она все боялась повторения недавней истерики. Но никаких истерик не было – он просто молчал.

Леонид на похороны и поминки просто не явился. У нее и в мыслях не было звонить ему накануне, напоминать – она никак не думала, что парень этим пренебрежет. Его десять тысяч так и остались нетронутыми – они лежали в конверте, в ящике письменного стола Ирины. Стол, как и все остальные, был использован для поминок, и у нее несколько раз появлялась мысль, что деньги надо было оттуда вытащить... Но сейчас рыться по ящикам и беспокоить сидящих за столом гостей было неуместно.

Женя тоже не явилась. Однако пришли школьные подружки Иры. С одной из них – Мариной – Татьяна поговорила перед тем, как сесть за стол. Девушка подошла к ней сама и со слезами на глазах призналась, что просто поверить не могла в то, что случилось. «Все говорят одно и то же», – машинально отметила Татьяна.

– Когда Женя позвонила и сказала... – вздыхала девушка. – Я думала, она ошиблась.

– Звонила все-таки Женя? – Татьяна невнимательно слушала ее, оглядывая накрытые столы и мысленно прикидывая, как рассядутся гости.

Марина всхлипнула – она все время плакала на кладбище и даже теперь не переставала утирать слезы:

– Да, она всем нам звонила...

– А почему же сама не пришла?

– Не знаю... А разве она не пришла? – Марина скомкала носовой платок и пошла искать ванную комнату.

Когда поминки подходили к концу и многие гости уже ушли, Татьяна незаметно пробралась к телефону. Набрала номер Леонида – ей никто не ответил. Потом позвонила Жене – теперь она знала, что ей, скорее всего, ответят родители девушки. В самом деле трубку взяла ее мать.

– Нельзя ли поговорить с Женей? – спросила Татьяна.

Та заявила, что дочь на работе. По расчетам Татьяны, даже самый длинный рабочий день должен был к этому времени закончиться – на часах было почти десять.

– В таком случае, не могли бы вы дать номер ее жениха? – спросила Татьяна.

И в ответ услышала, что у дочери никакого жениха нет, и вообще – кто это говорит? Татьяна, несколько ошеломленная, представилась. Та воскликнула:

– Ах вот что! Я слышала, какое несчастье с вашей дочкой! Мои соболезнования!

– Да, спасибо, – машинально откликнулась женщина. – Но как же так, я сама видела этого человека... Он живет в вашем доме, только на третьем этаже, а вы на четвертом... Разве нет?

Мать Жени сдержанно ответила, что у нее неверные сведения. Они в самом деле живут на четвертом этаже. Но никакого «жениха на третьем» у ее дочери нет, не было и быть не могло. Поскольку там проживают только одинокие старики-пенсионеры – как на подбор. В заключение она с прежним пафосом выразила свои соболезнования, и Татьяне осталось только поблагодарить за сочувствие и повесить трубку.

– Кажется, все прошло благополучно, – сказала она мужу, когда последние родственники разошлись. Многие из них предлагали остаться на ночь, чтобы оказать моральную поддержку, но Татьяна вежливо отклонила эти предложения.

– Что ты называешь благополучным? – отрешенно спросил Алексей.

– Все в общем.

Он сидел во главе стола, вертя в руках вилку. Потом поднял на жену глаза – взгляд был пустым, ничего не выражающим.

– Странно, – произнес он. – Иры вроде бы уже нет, а я все думаю, что она вернется.

Татьяна, собиравшая со стола рюмки, остановилась, глядя на него. Потом отведя взгляд, продолжала уборку.

– Леонида не было, – сказал Алексей, продолжая вертеть вилку.

– Не было, – подтвердила она. – Я ему звонила, но никого не застала.

– Как-то странно. Почему он не явился?

Она пожала плечами:

– Не знаю. Может, с работы непустили.

– Значит, и он уже забыл Иру, – равнодушно произнес Алексей.

Она бросила на стол скомканную салфетку:

– Ты на что намекаешь? Что я ее забыла?! Да я, если желаю знать, только о ней и думаю! И пытаюсь что-то выяснить! Ты же... Ты... Только хнычешь!

Она убежала на кухню и сорвала телефонную трубку. Набрала номер Жени:

– Алло! Это опять Татьяна Николаевна!

– А, вы, – откликнулась мать девушки. – Нет, она еще не пришла.

– Как только придет – пусть позвонит мне.

– Хорошо, – покладисто согласилась та.

– Кстати, – Татьяна перевела дух, – она не собиралась прийти на похороны?

– О, я ничего не знаю, – вежливо ответила мать Жени. – Она так редко что-то рассказывает.

– Скажите, у нее в самом деле нет никакого жениха?

Собеседница, казалось, обиделась:

– Да почему вы все говорите о каком-то женихе? Я первый раз слышу! Откуда вы взяли?

Кто это сказал?

– Дело в том, что я его видела.

Женщина настороженно отнеслась к этой новости и попросила Татьяну описать внешность мужчины. Потом призадумалась на минуту и в конце концов ответила:

– Я что-то не припоминаю никого, кто был бы похож на него. Да еще среди соседей? На третьем этаже живет, вы говорите? А номер квартиры?

Татьяна с трудом припомнила номер, уточнила и весь адрес в целом. У нее появилась абсурдная мысль – что то ночное путешествие ей просто приснилось, иначе как объяснить происходящее? Женщина воскликнула:

– Удивительно, но все сходится! Мы живем по этому адресу... Вы, значит, у нас побывали? Только сдается мне, что та квартира на третьем этаже пустая, там никто не живет.

– Но ваша дочь живет именно там! – в отчаянии возразила Татьяна. – По крайней мере, бывает там по ночам.

И тут мать Жени окончательно поразила ее, вполне равнодушно заявив, что где ее дочь обретается в ночное время – она не знает и знать не желает. Если на третьем этаже в их же доме – странно, что она ничего об этом не знает. Татьяна слушала ее, и у нее создавалось впечатление, что женщина не вполне доверяет ее рассудку. Наскоро попрощавшись, Татьяна положила трубку и позвонила Леониду. На этот раз ей ответили. Она задала один вопрос и, выслушав короткий ответ, от неожиданности повесила трубку. Потом перезвонила, и на этот раз беседа продлилась чуть дольше. Закончив разговор, встала. Оглядела стены. Вернулась в комнату.

Алексей все так же сидел за столом. Судя по всему, он не заметил, что поминки окончены. Татьяна остановилась прямо перед ним, и только тогда он обратил на нее внимание, поднял глаза. Она подчеркнуто спокойно спросила:

– Тебе хотелось знать, почему не явился Леонид?

– И почему?

– Он умер.

Алексей продолжал смотреть на жену, по-видимому, ожидая какого-то продолжения. Татьяна нервно вздернула плечи:

– Звоню и спрашиваю, можно ли с ним поговорить, а его мать заявляет, что его убили прошлым вечером. Как тебе это?

– Что? – произнес он с прежним выражением – будто смысл услышанного до него так и не дошел.

Женщина не вытерпела и взорвалась:

– Какого черта ты твердишь одно и то же! Парня убили, говорю тебе! Убили! Дошло до тебя или нет?!

Алексей поднялся, сильно толкнув стол. Пронзительно зазвенели стоявшие рядом рюмки, качнулось масло в салатнике.

– Убили? Кто?

– Откуда я знаю? – бросила она. – Мне его мать сказала – вчера вечером он пришел домой, лег на диван и через пятнадцать минут умер.

– Умер? Так как же ты говоришь, что его убили?!

– Она сказала – избили, возможно – разрыв селезенки. Но больше я ничего не знаю! – Татьяна почти провизжала последние слова, и сама прикрыла ладонями уши – у нее раскалывалась от боли голова. – Все! Остальное выясняй сам, с меня хватит!

Она убежала в комнату дочери и упала на постель, зарывшись лицом в подушку. Сколько она так пролежала – женщина определить не могла. Ей казалось, что очень долго, почти час. Несколько раз она слышала, как мимо прикрытой двери проходит муж, но он так и не заглянул к ней. С каждым разом она злилась на него все больше. «Даже не посмотрит, что со мной! Думает только о себе, о своих деликатных чувствах! Черт, он же совсем как чужой! Он давно уже чужой, я сто лет не говорила с ним по душам! Ну почему он не заглянет, почему не сядет рядом! Неужели я совсем его не волную? Неужели он не понимает, как мне плохо!»

Муж все-таки заглянул к ней, когда она разозлилась настолько, что дала себе слово – ни на что не реагировать. В двери появилась светлая щель, она увидела там его тень:

– Таня, ты спишь?

Она промолчала, продолжая подсматривать сквозь смеженные ресницы. Алексей просунулся в комнату:

– Слушай, ты не трогала денег, которые он нам дал?

Татьяна не выдержала и открыла глаза:

– Нет, а что?

– Думаю, их нужно вернуть. Теперь они им самим понадобятся, а мы обошлись и без этого...

– Ты только это и хотел сказать? – раздраженно бросила она. – Разумеется, вернем. Ты вернешь, ты же завтра тоже не работаешь! Созвонишься с его мамой, встретишься и вернешь!

– Но...

– Тебе нужно – ты и занимайся этим.

– Денег пожалела? – с каким-то странным выражением произнес он.

Татьяна не ответила и повернулась лицом к стене. «Скотина, – ругалась она про себя, слушая его удаляющиеся шаги. – Просто бесчувственная скотина. Денег пожалела! Когда я их жалела! Ясно же, что мне не нужны его деньги, я их взяла только, чтобы парень не обиделся! Нет, это все ужасно... Он меня совсем не понимает!»

Она решила спать здесь – не было ни сил, ни желания вставать, идти в спальню, продолжать объясняться с мужем. Татьяна кое-как разделась, натянула на себя плед, поправила подушку. Полежала, глядя в темноту, прислушиваясь к ночной тишине. Муж так больше и не заглянул, даже не спросил, почему она легла отдельно. «Вот как! Ну ладно...» Она закрыла глаза и поджала ноги – кровать была коротковата, в сущности, она была рассчитана на подростка. Мебель в комнате давно не меняли, никто и не заметил, когда успела вырасти дочь. Впрочем, Ирина так и не стала высокой...

«Леня умер... Избили... Кто, за что? Надо все же самой встретиться с его мамой, это и меня касается. Интересно, она-то считала Иру его невестой? Были они знакомы или нет?»

Об этом Татьяна ничего не знала – Леонид в качестве жениха так мало ее интересовал, что ей и в голову не приходило спросить у дочки, была ли та представлена его родителям. Кто его родители, чем они занимаются, где живет Леонид – она не знала ничего. Только имя, фамилию, номер телефона.

Ей вспомнился упрямый взгляд Леонида, когда они прощались на лестнице. Парень был в ярости и твердо решил разобраться с Женей в ближайшие дни, не дожидаясь похорон. Разобрался он или нет?

«Во всяком случае, ему я верю больше всех, – сказала она себе. – Верю, что он был у Жени в гостях – та и сама в конце концов созналась, что знакома с ним. Верю, что он любил Иру... Иначе, стал бы он давать деньги на похороны и таскаться со мной среди ночи бог весть куда и зачем... А если верить ему во всем, верить, что он был с Ирой именно в той квартире, куда меня привел, – значит, лжет либо Женя, либо ее мать. Женя утверждает, что квартира – ее жениха. И этого официального, представленного ее родителями жениха я тоже видела. Предположим, она врет. Если не во всем, то в чем-то – точно. А ее мать? Лжет, что понятия не имеет об этом парне? Или искренне не знает, что ее дочь проводит ночи этажом ниже, говорит, что квартира стоит пустая? Но ведь это в принципе невозможно! Если допустить, что девушка встречается с этим парнем не первый месяц, да еще постоянно там ночует – это должны были заметить соседи! У них должны были возникнуть какие-то вопросы к ее родителям. У самих родителей тоже должны были появиться подозрения, наконец! Я#то считала их такими суровыми, а им, выходит, все равно, где ночует дочка?! А что говорила Ира? Та утверждала, что квартира принадлежит самой Жене, и ни о каком женихе – ни слова! Господи, что за головоломка! Хоть в чем-то должны быть совпадения, неужели врут все подряд?! Но с той квартирой явно что-то завязано – возле этого дома Ира впервые попрощалась с Леонидом, соврав, что тут живет. Скажем, это было полуправдой – не живет, а бывает... Это же вполне естественно – привести парня к дому подруги и спрятаться у нее, пока тот не уйдет. Именно возле этого дома с ней и случилось несчастье... Нет, это уже не случайность».

Она приняла решение – завтра, во что бы то ни стало, прояснить ситуацию с квартирой. В конце концов, выяснить, кому принадлежит жилье не так уж сложно. Существуют соседи, паспортный стол, наконец. По крайней мере, в одном вопросе можно будет легко навести ясность. Что же касается остального... Татьяна уже поняла, что насаждать на Женю и требовать правды – занятие неблагодарное. Тем более что теперь она осталась без поддержки Леонида. Ее мысли снова вернулись к этому парню. «Нет, завтра прежде всего я поеду к его маме и поговорю с ней. Господи, пусть окажется неправдой то, о чем я думаю... Но мне кажется, что его смерть – тоже не случайность. Слишком много совпадений».

Глава 5

Леонид, как выяснилось, жил вдвоем с матерью в крохотной двухкомнатной квартирке, в обществе двух котов и множества растений. Единственным ценным качеством квартиры было ее расположение – хрущевский дом стоял на Красной Пресне, почти лицом к улице. Неподалеку был расположен костел, и когда Татьяна вошла в комнату, в окно ударил звон вечернего благовеста. Она огляделась. Скрамная обстановка – старенький полированный сервант, коврик на стене, дешевые пожелтевшие занавески.

Мать Леонида оказалась намного старше ее самой – почти шестидесяти лет, судя по виду. Татьяна чувствовала себя крайне неловко – ей было трудно представить, что эта сухонькая пожилая женщина, седая и замкнутая, могла стать ее родственницей. Ее звали Антонина Григорьевна – так официально, отчужденно та и представилась, не предложив при этом госте звать ее просто по имени. Татьяна своего отчества называть не стала.

– Извините, но чаю не предлагаю, нет воды, – извинилась женщина. – Сегодня отключили до вечера, опять что-то ремонтируют.

Говорила она совершенно равнодушно и извинялась, как видно, из чистой вежливости. Татьяна чувствовала – той глубоко безразлично, какое мнение составитс о ней у случайной гостыи.

Она возразила, что никакого чаю не нужно, к чему все это... Присела на предложенный стул, достала из сумки конверт:

– Видите ли, я думаю, мне нужно это вернуть.

– Что это? – так же равнодушно поинтересовалась женщина.

Татьяна уже успела составить себе мнение о достатке, царившем в этом доме. Здесь жили благополучно, но небогато. На тумбочке красовался телевизор последней модели, весьма дорогой, а вот льняное покрывало на кровати – времен сталинских, не новее... И прочее в том же духе. Она положила конверт на стол и подтолкнула его кончиками пальцев:

– Это Леня принес на Ирочкины похороны. Я решила вернуть вам деньги, мы их не тронули.

– А, деньги... – произнесла та, поднимая на гостью пустой взгляд. – Да вы садитесь.

– Я уже сижу, – осторожно напомнила Татьяна.

Антонина Григорьевна постояла мгновение, непонимающе глядя на нее, потом вдруг отвернулась. Когда она заговорила опять, ее голос звучал спокойно, но Татьяна чувствовала страшное напряжение, в котором эта женщина пыталась себя держать – чтобы не сорваться, не расплакаться.

– Леня рассказал мне, что случилось с Ирой. Примите мои соболезнования.

– Да... – произнесла Татьяна. – Она была у меня единственная.

– Он у меня тоже, – с неожиданной силой произнесла Антонина Григорьевна. – Он был единственный.

Татьяна подняла на нее глаза:

– Как же это случилось? Понимаю, что вам нелегко рассказывать, но... Я ведь не из пустого любопытства спрашиваю.

И та рассказала, присев чуть в стороне от стола, пододвинув к себе пепельницу и закулив сигарету. Татьяна тоже закурила – у нее в сумке лежала пачка сигарет, оставшаяся от Ирины. Она положила ее к себе сегодня утром, собираясь с визитом к матери Леонида. Звала пойти и мужа, но тот как будто не расслышал ее, а уговаривать его Татьяне не хотелось.

– Собственно, все было очень просто, – говорила хозяйка, стряхивая пепел с сигареты. Татьяна отметила про себя, что в этом не было никакой нужды – та успела затянуться всего

пару раз. – Он сказал, что завтра идет на похороны. Это было утром, перед тем как ему идти на работу. На работе он задержался... Я не беспокоилась, это бывает часто.

Она повела плечами и пояснила, что на эту работу Леню устроил отец – он и сам там работает. Поэтому, когда сын задерживается, она за него всегда бывает спокойна.

– Ну, теперь уже надо говорить «бывала», – поправились она, и в голосе ее звучала какая-то болезненная ирония. – Потом, ближе к восьми часам вечера, он позвонил и сказал, что ему еще нужно кое-куда съездить, так что волноваться не нужно.

– Куда он собирался? – вырвалось у Татьяны.

Антонина Григорьевна отвела взгляд от горящего кончика сигареты и вопросительно на нее взглянула. Татьяна смутилась:

– Извините, просто я тоже интересуюсь всем, что с ним происходило.

– Да? Ну спасибо.

И снова в этом голосе прозвучала какая-то замороженная насмешка, как будто хозяйка не верила в искренность гостьи и, разговаривая с нею, выполняла свой долг – не больше.

– Я не знаю, куда он собрался поехать. Сам не сказал, а я не спрашивала. Он ведь взрослый человек. Только сказал, что может вернуться довольно поздно. Вот и все, собственно, – сказала она, неожиданно раздавив едва начатую сигарету. – Поздно вечером в дверь позвонили, я открыла. Еще удивилась, что он звонит, у него ведь были свои ключи, и он знал, что я могу уже быть в постели.

Татьяна на этот раз ничего не сказала – она начинала побаиваться этой женщины с таким жестким взглядом и резкими движениями.

– Он вошел, сказал, что сразу ляжет спать. Я не сразу обратила внимание, как странно он выглядит... Может, я сама во всем виновата... – Ее голос упал до шепота, и последние слова она произнесла еле слышно: – Но все началось и закончилось невероятно быстро. Леня лег в постель, я заглянула к нему и спросила – может, принести чаю? Он ответил, не нужно. А когда я заглянула к нему... Господи, всего минут через пятнадцать! Он был уже мертв. – Она с минуту помолчала и добавила: – Если бы я чуть раньше вызвала «скорую помощь», он, может, остался бы жив.

Татьяна придвинула к себе пепельницу и тоже погасила сигарету. Подняла глаза:

– Если случилось что-то серьезное, вы бы все равно не успели.

– Да, – невыразительно согласилась та.

– А судя по всему, случилось что-то серьезное.

– Да, – будто во сне, сказала Антонина Григорьевна.

– Вы еще не знаете, что именно?

Та покачала головой:

– Результаты будут только через два дня. Вот сижу. Жду.

Татьяна отвела от нее взгляд. Атмосфера в этом доме была невыносимой – гнетущее, тяжелое напряжение будто наэлектризовало воздух. «Может, попрощаться и уйти? – подумала она. – Но как же она выдерживает это одна? А ее муж, отец Лени – он-то где?»

Будто услышав ее мысленный вопрос, Антонина Григорьевна вдруг сказала:

– Мы с мужем в разводе, у него другая жена, другая семья. Есть еще дети, две девочки. – Пожав плечами, добавила, будто удивляясь: – Так что он сейчас с ними, а не со мной.

Татьяна решила:

– Скажите, чем я могу вам помочь?

– Помочь?

– Да. Ведь ваш сын был Ириным женихом. Он и появлялся у нас дома как ее жених. Я просто должна что-то сделать для него... Для вас.

Неожиданно резкий ответ будто хлестнул ее по лицу. Антонина Григорьевна вздернула голову и заявила, что хотя ее сын в самом деле находился с Ириной в близких отношениях, но

она сама никогда этого плана на брак не одобряла и считает, что Леня мог бы найти другую девушку.

Татьяна не выдержала, хотя и приказывала себе быть терпимей:

– Что вас не устраивало в Ире?

– Только то, что она была беременна от другого.

Татьяна возмутилась:

– Это что – Леонид вам рассказал?

Та кивнула:

– А что в этом такого? У него от меня никаких тайн не было! Он мне все рассказывал, причем я его к этому не принуждала! И всем родителям желаю того же! – В ее голосе неожиданно послышались слезы: – И вот такого сына мне было суждено потерять! А всякие сволочи живут!

Татьяна встала и повесила на плечо сумку:

– Извините, но мне пора.

В ней все кипело – какой же надо быть стервой, чтобы не простить этого греха даже мертвой невесте сына! Ведь парень искренне ее любил и, если сделал такой выбор, стало быть, имел веские причины!

Хозяйка не стала ее удерживать, хотя поднялась с места вместе с ней. Татьяна прошла в прихожую и сняла с вешалки плащ. Антонина Григорьевна стояла рядом с каменным выражением лица – не собираясь ни прощаться, ни приглашать ее на похороны сына. Татьяна подчеркнуто спокойно и тщательно застегнула все пуговицы. Потом не вытерпела и повернулась к ней:

– Знаете, что я вам скажу? Если бы у моей дочки была такая свекровь, я бы первая настаивала, чтобы она развелась с мужем! Ей бы все равно с вами жизни не было!

Антонина Григорьевна чопорно заметила:

– А вот я бы ни на чем не настаивала. Они все равно развелись бы – рано или поздно.

– Почему вы так считаете? – запальчиво воскликнула Татьяна. – Мне лучше знать, какой была моя дочь! Она могла ужиться с кем угодно, только вот я бы не допустила, чтобы вы ее травили!

– Травила? – насмешливо спросила та. – Да перестаньте, ради бога. Мой сын всегда мог делать, что пожелает. Я же его хорошо знала – он, в конце концов, всегда разбирался, что к чему. Когда он сказал, что хочет жениться, я ему ни слова не возразила.

Татьяна фыркнула:

– Вот спасибо! Моя дочь прекрасно обошлась бы и без вашего сына!

Та возразила:

– Знаете, когда он ее впервые сюда привел и она вышла из его комнаты только через два часа, да и то не за тем, чтобы мне представиться, а чтобы помыться в душе... Мне многое стало ясно о вашей дочери. Конечно, она бы обошлась и без Лени, я просто уверена в этом. – И так как Татьяна не находила от возмущения слов, Антонина Григорьевна победно добавила: – Обходилась же она без него и раньше, да еще ребенка нажила.

Татьяна наконец сумела вдохнуть достаточно воздуха – в голове у нее мутилось, руки дрожали, ей не верилось, что подобные вещи говорят именно про ее дочь.

– У вас просто... Просто сердца нет, – выдавила она, с ненавистью глядя на хозяйку дома. – Вы тоже потеряли ребенка и можете после этого так со мной говорить... Не знаю, что вы за человек. Просто не знаю!

Та мотнула головой:

– Ладно, и не нужно вам знать. Слава Богу, не породнились!

– Да уж, скажешь Богу спасибо за такую милость! – бросила Татьяна и опрометью выбежала на лестницу.

Оказавшись во дворе, она едва перевела дыхание и сжала кулаки: «Нет, какая стерва! Я к ней со всей душой! Разве я хоть слово плохое сказала о ее сыне! Ну пусть я к нему неважно относилась, когда он к нам заходил, но она-то этого знать не могла! Зато теперь я за него переживаю, как за родного, а эта дура... Нет, конечно, больше я сюда ни ногой! Нужны мне ее соболезнования, вы только подумайте! Набралась наглости!»

Внезапно где-то наверху с треском распахнулось окно. Татьяна машинально подняла глаза и увидела, что из окна второго этажа по пояс высунулась Антонина Григорьевна. Она гневно показывала ей какой-то листок бумаги:

– И у вас хватило наглости дать мне это?! Нате, берите обратно! Какая хамка!

Окно захлопнулось, да с таким шумом, что все старушки и дети, гулявшие в это время во дворе, с нездоровым любопытством уставились на Татьяну. Она не обращала на них внимания, следя только за листком бумаги, который угловато спланировал на куст нераспустившейся сирени. Подошла, взглянула... И не веря своим глазам, наклонилась, высвобождая из веток застрявший там конверт. Тот самый конверт, в котором она вернула матери покойного деньги.

Сегодня утром, достав конверт из ящика стола, Татьяна даже не взглянула, что в нем содержится. Зато увидела теперь. Вместо денег в нем лежали несколько листов писчей плотной бумаги, сложенных вчетверо. А конверт был тот же самый – она узнала и полудетский почерк, которым был написан адрес, да и сам адрес... Тот самый адрес, по которому она сюда явилась. Письмо было адресовано Леониду.

Ни секунды не медля, Татьяна бросилась назад в подъезд и взбежав по лестнице, забарабанила в дверь:

– Откройте! Что это значит?!

Дверь распахнули тотчас же, будто ее возвращения ожидали. Антонина Григорьевна, ничуть не смущенная, напротив – разгневанная, возмущенно бросила ей в лицо:

– Ну я не знаю, как у вас совести хватило являться ко мне с этим! С этим!

Она указывала на конверт, который Татьяна все еще продолжала сжимать в руке. Та скомкала его и швырнула комок в коридор:

– Я вам деньги принесла, вы что – не видели? Я вернула вам деньги, все десять тысяч до копеечки!

У нее за спиной слегка скрипнула приоткрытая дверь – видимо, скандал принимал такие масштабы, что им заинтересовались соседи. Антонина Григорьевна отшвырнула комок бумаги носком тапка:

– Никаких денег там не было, вы что – издеваетесь? Дурочку из меня хотите сделать? Сын откладывал эти десять тысяч на приличный ремонт, а когда узнал, что ваша Ира погибла – сразу вытащил их и побежал к вам! А что вы мне вернули?! Уж не позорились бы! Истратили на похороны или там еще на что – на здоровье, у меня никаких претензий нет!

– Я ни рубля не тратила, даже не брала... – Татьяна от ужаса и унижения даже стала заикаться. – Вы мне не верите? Кем вы меня считаете? Думаете, я бы принесла вам пустую бумажку?!

– А что же вы в таком случае принесли?

Татьяна придержала дверь, которую хозяйка собралась было захлопнуть. Ее трясло от гнева, тем хуже, что она чувствовала спиной напряженное внимание соседей:

– Ну нет, извините! Я вернула вам все десять тысяч полностью! Если вы их вытащили и сунули в конверт бумажку, чтобы меня опозорить, – это на вашей совести! Но я денег не брала!

– И я тоже! – с ненавистью бросила та. – Пустите дверь, кому говорю!

И Татьяна опустила руки. Не дожидаясь, когда захлопнется дверь, она стала спускаться по лестнице. Соседи в самом деле подсматривали – краем глаза она уловила чье-то лицо в приоткрытой щели и громко бросила туда: «Деревня!»

Дверь приоткрылась еще шире, вместо того чтобы захлопнуться. Она шла вниз по лестнице, нарочно не торопясь, с достоинством, и ощущала, что ее рассматривают. И еще ей казалось, что она слышит злое бормотание Антонины Григорьевны. Ей было до того обидно, что слезы так и брызнули из глаз, как только она оказалась на улице, где уже никто за ней не следил. «Какая мерзость... А ведь сперва она держалась со мной так вежливо! Вот и верь таким вежливым! Нет, может, грех так говорить, но это к лучшему, что Леня с Ирой не поженились. Я представляю, каково бы ей жилось с такой свекрухой! Ужас что такое! Да она бы хлеб изо рта у нее выдирала! И сыну несладко приходилось, недаром он был такой жалкий, нелепый...»

У нее появилось искушение снова вернуться и высказать этой женщине все, что она о ней думает. Но Татьяна переломила себя и все-таки ушла. «Не хватало еще унижаться! Все равно ведь – доказать я ничего не смогу! Но какова наглость – вынуть деньги и подсунуть пустую бумажку! Уж такого я от его матери никак не ожидала!»

Она снова вспомнила, как ретиво отказывался Алексей наносить визит матери Леонида. Сегодня утром он прямо заявил, что ни за что туда не пойдет. Тогда, дома, она и не предполагала, что у него могут быть веские причины сделать это. Но сейчас... Она вспомнила пустой конверт, спланировавший из окна второго этажа, и подумала, что, может быть, Алексей имел что-то себе на уме. В конце концов, десять тысяч рублей – не такие уж маленькие деньги для того, кто убивается из-за меньшей суммы на службе...

Она позвонила мужу с автобусной остановки:

– Ты дома? Слушай, у меня тут вышел конфуз...

Алексей сдержанно заметил, что ничего другого и не ждал.

– Почему? – насторожилась Татьяна.

– Леня мне как-то сказал, что его мама была категорически против этого брака.

Татьяна возмутилась:

– И ты мне ничего не сообщил?! Очень мило, нечего сказать! Ну, сегодня я сама с ней познакомилась и могу тебе сообщить – если бы наша Ира вышла за ее сына, этот брак все равно долго бы не продержался! Она такая стерва!

– Какая разница, – меланхолично заметил Алексей. – Теперь они оба мертвы, что толку рассуждать.

Татьяна вскипела:

– Вот как? А как тебе понравится, что она обвинила меня в краже денег?

Муж искренне ее не понял, и ей пришлось в подробностях рассказать, какую сцену затеяла ей Антонина Григорьевна. Алексей выслушал это относительно спокойно и только заметил:

– Странная женщина... И все же я никак не думал, что она способна на это.

– Разве ты ее знал?

– Нет, конечно. Зато знал Леню. У таких забитых парней всегда бывают матери-стервоны.

Татьяна не могла с ним не согласиться – она и сама считала, что парню жутко не повезло с матерью. Она не стала спрашивать мужа, не брал ли тот денег из конверта. Он ответил ей прежде, чем она успела спросить – его удивление было самым лучшим ответом. Она даже устыдилась своих нелепых подозрений: Алексей – и вор? Да прежде всего он бы ей сказал... Не послал бы ее на подобный позор! И потом, ведь если ему не хотелось отдавать эти деньги – они попросту могли оставить их у себя, с полным правом на это. Ведь Леонид их практически подарил...

Теперь, когда первый шок прошел и ей посочувствовали, женщину начал мучить другой вопрос.

– Послушай, значит, мы не явимся на похороны Лени? – спросила она, следя за тем, как убывает кредит ее карточки на дисплее в автомате.

– Почему же, можно пойти, – возразил муж. – Какое нам до нее дело? При посторонних она не решится закатывать сцены. И мы же будем вместе.

– Ну хорошо, пойдем, – грустно согласилась с ним Татьяна. – Будем там вроде бесплатного приложения... Но я все-таки боюсь, знаешь ли... Если она выдумала такое с деньгами, может и на похоронах нас опозорить! Куда нам тогда деваться?! Ты представляешь, как мы будем там что-то доказывать?! Стыда же не оберешься!

Алексей уже несколько раздраженно заметил, что в таком случае, конечно, можно не идти. Она услышала в его голосе нетерпение и поинтересовалась – не торопится ли он куда-нибудь?

– Я хотел заехать к брату, он обещал посмотреть машину, – подтвердил тот. – Пора сделать центровку, да еще там кое-что...

– А, ну конечно, – слегка расстроилась Татьяна. – Если нужно – езжай.

Двоюродный брат мужа работал в автосервисе и время от времени за символическую плату «подлечивал» их подержанную «Ауди». Благотворительностью это никак нельзя было назвать – именно он сосватал родственнику эту, как нелюбезно звал ее муж, «консерву», и при покупке была уплачена сумма намного выше той, которую можно было заплатить за такую машину на рынке. И хотя ремонт обходился почти даром, запасные части нередко пробивали дыры в бюджете. Татьяна злилась, говорила, что лучше продать эту машину и купить что-нибудь пусть отечественное, зато новенькое, но время было упущено – теперь их «Ауди» стоила совсем дешево и продавать ее смысла не имело.

– Когда же ты вернешься? – спросила она, прекрасно зная, что с их машиной можно провозиться сколько угодно, а результат все равно будет мизерный.

– Ближе к вечеру, – неопределенно ответил он и положил трубку.

Татьяна вздохнула и отправилась к метро пешком. Ей хотелось прогуляться, тем более что предстояло еще одно не слишком легкое предприятие – она твердо решила еще раз наведаться в тот дом, куда ее водил Леонид. «Ну, к родителям Жени я, скорее всего, не пойду, – размышляла она. – А вот узнать, кто на самом деле живет в той квартире, нужно. И кто знает? Вдруг Ира в самом деле провела там три последних дня своей жизни? Хотела бы я знать, кто сумел ее напоить!»

* * *

На третьем этаже располагались три квартиры. Сперва Татьяна позвонила в ту, где побывала той ночью вдвоем с Леонидом. Знакомая, чуть слышная трель за дверью. Нет, тот визит ей не приснился, она узнавала все: и звонок, и своеобразный запах в подъезде – запах старой пакли, сырости, мышей... Как будто этот дом незаметно подгнивал где-то внутри, распространяя запах тления и старости.

Она нажала на кнопку еще раз, прислушалась. Никаких шагов, никто и не думал отпираться. Тогда она позвонила в соседнюю дверь. Тут звонок оказался очень громкий, дребезжащий. Татьяна ждала не меньше трех минут, пока не решила, что стоит попытать счастья у другой двери. Но тут послышался старческий, дребезжащий голос, чем-то схожий со звуком звонка:

– Кто?! Кто?!

– Извините, я ищу вашего соседа, – торопливо ответила Татьяна. – Из...

Она взглянула на номер соседней квартиры и назвала его.

– Я не знаю ничего, – откликнулся голос из-за двери.

Женщина даже не могла определить пол говорящего, ясно было только одно – тот очень стар и, по-видимому, одинок, если пришлось самостоятельно подходить к двери.

– Но в той квартире вообще кто-нибудь живет? – громко спросила Татьяна. Она предположила, что у собеседника (или собеседницы) могут быть проблемы со слухом. Неожиданно приоткрылась третья дверь, оттуда показалось женское лицо:

– Вы к кому?

Татьяна обернулась:

– Я ищу ваших соседей. – Она указала на первую дверь. – Там живет сейчас кто-нибудь?

Щель в двери сделалась уже – видимо, ее вопрос насторожил обитательницу квартиры.

– А вам-то что? – спросила та из-за двери.

– Я знаю, что там бывала в гостях моя дочь, – ответила Татьяна. – И я сама там была недавно. Хотелось поговорить с хозяином.

Дверь не закрылась – ее, во всяком случае, слушали. Потом послышался настороженный голос:

– А вы поднимитесь на четвертый этаж, там вам скажут.

Она назвала номер квартиры и уже собралась было запереться, но Татьяна ее остановила:

– Извините, вы говорите о родителях Жени?

Дверь наконец распахнулась. На пороге стояла полная женщина в старом спортивном костюме, голова была туго повязана косынкой с потеками извести. Руки женщины тоже были запачканы побелкой – видно, она занималась ремонтом.

– Ну да, о них. Только они, наверное, на работе, – уже более общительно сообщила она.

– Я и не собиралась к ним идти. – Татьяна неуверенно посмотрела на лестницу, ведущую на четвертый этаж. – Боюсь, они мне ничего бы не сказали. Я их уже спрашивала об этой квартире, а они сказали, что там никто не живет.

Женщина нерешительно оглядела ее и вдруг распахнула дверь пошире:

– Зайдите.

Татьяна с радостью последовала приглашению. Спиной она чувствовала, что старичок (или старушка) напряженно ожидает развязки за своей дверью. С тех пор, как появилась другая соседка, тот не издал ни звука.

В квартире в самом деле происходил ремонт. Всюду стояли банки с краской, тапки с разведенным и уже загустевшим обоевым клеем. К подметкам немедленно прилипли обрезки обоев. Хозяйка провела Татьяну в большую комнату, где из мебели оставался только громоздкий, разошедшийся буфет и несколько табуретов. Смахнув с одного из них пыль, она пригласила гостью сесть:

– Только осторожно, сзади вас только что оштукатурено.

Татьяна испуганно отодвинулась подальше от стены. Женщина испытующе оглядела ее и, уже не сдерживая любопытства, горячо спросила:

– А вы им кем приходитеесь? В смысле – Будановым?

Буданова – это была фамилия Жени. Татьяна секунду колебалась, рассказывать ли что-то этой женщине. В конце концов, ту могло грызть простое любопытство, а поможет ли она чем-нибудь... Но она преодолела свою нерешительность – в конце концов, эта хотя бы согласилась с ней разговаривать.

– Буданова Женья – бывшая одноклассница моей дочери, – пояснила она. – Мою дочку звали Ирой... Может, вы ее даже видели, если она бывала тут...

– Ну, где тут вспомнить...

– Такая рыженькая, глаза голубые, небольшого роста, – машинально напоявила Татьяна.

Та вдруг замерла, а потом медленно сложила перед грудью руки – в каком-то молитвенном жесте:

– Это вы не про ту девушку, которую сбило машиной?!

У Татьяны замерло сердце, и она с трудом выговорила:

– Именно о ней.

– Вы ее мать! – воскликнула женщина, глядя на Татьяну со странным выражением – смесь ужаса и недоверия. Потом огляделась по сторонам, заметила на подоконнике большую банку пива, взяла ее и предложила госте: – Не хотите? Я принесу стакан.

Татьяна вежливо отказалась, и тогда женщина откупорила банку и сделала несколько жадных глотков. Под батареей Татьяна заметила еще несколько подобных банок – уже пустых. Хозяйка представилась:

– Алина.

– Татьяна... Так вы знали мою дочь?

– Да нет, но я видела, как все это случилось... – Алина со вздохом придвинула табурет, уселась и снова припала к банке. Облизав губы, она сочувственно добавила: – Впервые в жизни я видела, как человека сбивает машина. Очень страшно... Уж вы простите... – Она заметила, как передернулась Татьяна, и сочувственно заметила: – Ой, я вам так соболезную... У меня у самой двое дочек, и все время приходится за них переживать. Квартира-то не моя, тут живет моя старшая с мужем и детьми. Сейчас они на дачу уехали, а я вот ремонт делаю. – И добавила: – Я же профессиональный строитель, правда, инженер... Но все умею сама – и плитку класть, и белить, и обои клею в одиночку... Могу и с паркетом управиться. А зять ни черта не может.

Татьяна кивнула:

– Это часто случается... Так вы тут постоянно не проживаете?

– Нет, только изредка, когда им внуков не с кем оставить. Я даже и сейчас тут не всегда ночую. Воды горячей как раз нет, так что я езжу спать домой. Там хоть помыться можно.

– Значит, вы Иру тут не видели...

Алина покачала головой и взболтала в банке оставшееся пиво:

– Нет, не видела. Но когда это с ней случилось, я как раз шла сюда, чтобы с утра заняться потолками... Ну, разумеется, остановилась... Как мимо такого пройдешь? Я даже думала, что можно еще помочь девушке, только...

Она опустила глаза и одним глотком допила все, что осталось в банке. Достала сигареты, предложила Татьяне. Та машинально закурила вместе с ней.

– Ужасно все это, – пробормотала Алина. – У меня младшая дочка – примерно в том же возрасте. У меня прямо сердце заболело, когда я увидела... А потом рядом люди собрались и кто-то из здешних сказал: «Так это Женина подружка, вы поглядите!» Я-то вашу дочку видела впервые, но им лучше знать, они-то здесь постоянно живут.

– А кто сказал?

– Не знаю, не вглядывалась. Так, краем уха расслышала, и все. А потом пошла сюда, только в то утро у меня дела не пошли. Все время стояла перед глазами эта сцена. Я только выпила чаю и уехала сразу после полудня.

– А почему вы подумали, что речь именно о Жене Будановой?

Та пожала плечами:

– Да как-то сразу поняла... А о ком еще? Дело было прямо напротив дома, а Женя тут вроде одна. А если не одна – то в этом возрасте тут девушек больше нет... Дом-то старый, ну и жильцы соответствующие. Тут куда не посмотри – сплошное старичье живет. На площадке, рядом – бабка одинокая, в преогромной квартире. Мается там, бедная, все у нее давно обвалилось – штукатурка, обои отвисли, краны текут... Я к ней иногда забегаю, помочь... Я

и с сантехникой умею обращаться, – с гордостью добавила она, видимо, не сумев удержаться от хвастовства.

И пояснила, что дочерей растила одна, профессия у нее тоже, можно сказать, мужская, так что в хозяйственных делах она любого мужика за пояс заткнет. Далее Алина поведала, что прежде эта квартира принадлежала ее родителям, она тут и выросла, так что многих в доме прекрасно знала. Будановых в том числе – точнее, Юлю Буданову – мать Жени. Они даже учились в одной школе, ну а потом, после замужества, их пути разошлись.

– Когда мои родители умерли, здесь поселилась моя старшая дочка с мужем, – закончила Алина. – Ну а я наезжаю изредка, чтобы помочь. Иногда зло на них берет – им все прямо на блюдце подносят, а они еще нос воротят. Квартиру вам? Нате, прекрасная квартира, только небольшой ремонт нужен. Но они же сами ничего делать не хотят. И деньги им таскаю, и продукты на свои же кровные покупаю, и с детьми сижу, когда надо, и одежду детям покупаю... А им все нипочем, все как в прорву...

Татьяна слушала и не слышала. Она машинально кивала, сочувствуя этим жалобам, а у самой проскальзывала мысль, что она бы тоже не отказалась жаловаться на свою дочь. Какая та инфантильная, неблагодарная, нерациональная... Только вот жаловаться уже было не на кого.

– Кстати, Алина, – перебила она хозяйку, как только та перевела дух. – Мать Жени сказала мне по телефону, что тут на третьем этаже живут одни пенсионеры. А я точно знаю, что тут проживает какой-то молодой мужчина, – я лично его видела.

– Да ладно, – заговорщицки кивнула та, аккуратно давя окурок в пепельнице. – Юлька, конечно, что-то напутала. Тут сейчас из пенсионеров всего одна жилища, да вы с ней разговаривали. Мои-то родители тоже были на пенсии, конечно, но их уже нет... А в той квартире я вообще не понимаю, кто живет. Раньше, точно, жил какой-то дедушка, я его в детстве считала старым. Куда он делся, когда умер, – понятия не имею, это было уже без меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.